JN6500
.A55
1904

00005144890

В. Алексѣевъ.

Типогр.
1905.

NARodovlastiE V drevnei Rusi

Народовластіе въ древней Руси.

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Изданія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону:

В. Алексѣевъ—Народовластіе въ древней Руси . . . . . 20 к.
В. Алексѣевъ—Земскіе соборы древней Руси . . . . . 15 к.
Феликсъ Гра—Марсельцы. Повѣсть изъ временъ французской революціи . . . . . 35 к.
Н. Карышевъ—Экономическія бесѣды . . . . . 20 к.
К. Каутскій—Ирландія . . . . . 15 к.
К. Каутскій—Противорѣчіе классовыхъ интересовъ во Франціи въ 1789 г.
А. Кизеветтеръ—Изъ исторіи законодательства въ Россіи XVII—XIX вв. . . . . 15 к.
А. А. Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи . . . 15 к.
А. А. Кизеветтеръ—Девятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи . . 15 к.
А. Кизеветтеръ—Протопопъ Аввакумъ . . . . . 8 к.
А. Кизеветтеръ—Кузнецъ-гражданинъ (изъ эпохи 60-хъ годовъ) 15 к.
В. Мякотинъ—На зарѣ русской общественности . . . . . 20 к.
Д. Петрушевскій—Великая хартія вольностей . . . . . 15 к.
А. Пругавинъ—Прошлое и настоящее Шлиссельбургской крѣпости 8 к.
Б. С.—Трудъ и Капиталъ. Первоначальныя свѣдѣнія по политической экономіи . . . . . 20 к.
В. Строевъ—Московское Государство передъ реформами . . . . 20 к.
Вл. Щерба—Исторія русской школы . . . . . 8 к.

1. **В. Г. Короленко**—Пріемышъ [съ картинками] . . . . . 2 к.
2. **В. І. Дмитріева**—Майна-вира [съ картинками] . . . 3 к.
3. **Е. Н. Чириковъ**—Маленькій грѣшникъ . . . . . 1 к.
4. **Л. Н. Андреевъ**—Баргамотъ и Гараська [съ картинк.] . $1^1/_2$ к.
5. **А. И. Свирскій**—Захромала 1 к.
6. **Крандіевская**—Для души . 2 к.
7. **Е. Н. Чириковъ**—Свинья . 2 к.
8. **В. И. Немировичъ-Данченко**—Старый замокъ . . . 3 к.
9. **А. И. Свирскій**—Забракованный . . . . . 2 к.
10. **С. Баранцевичъ**—На посту 3 к.
11. **В. І. Дмитріева**—Ее всѣ знаютъ . . . . . 3 к.
12. **К. М. Станюковичъ**—За „Щупленькаго“ . . . . . 2 к.
13. **И. И. Митропольскій**—Вода 2 к.
14. **А. Серафимовичъ**—Месть . 3 к.
15. **Л. Мельшинъ**—Искорка . . 3 к.
16. **Л. Мельшинъ**—Чортовъ Яръ 4 к.
17. **Л. Н. Андреевъ**—Гостинецъ 2 к.
18. **Л. Н. Андреевъ**—Петька на дачѣ . . . . . 2 к.
19. **В. І. Дмитріева**—Мама на войнѣ . . . . . 3 к.
20. **Л. Андреевъ**—Въ Сабуровѣ 2 к.
21. **И. П. Бѣлоконскій**—Страховка . . . . . 2 к.
22. **П. А. Ивашева**—Мой день . 2 к.
23. **В. Г. Короленко**—Ночью [съ рис. Е. Бемъ] . . . . . 5 к.
24. **Н. И. Тимковскій**—Среди людей 5
25. **С. Ф. Русова**—Біографія Гарибальди [съ портр.] . . . 4
26. **С. Т. Семеновъ**—Отчего Парашка не выучилась грамотѣ
27. **Н. Н. Златовратскій**—Мечтатели . . . . .
28. **А. Купринъ**—Ночная смѣна
29. **Э. Ожешко**—Гедали . . . .
30. **С. Юшкевичъ**—Хаимка и Іоська . . . . .
31. **В. Вересаевъ**—Въ пути . .
32. **И. Франко**—Самъ виноватъ 1^1
33. **И. Алексѣевъ**—Изъ-за хлѣба насущнаго. „Лишній“ . . 1^1
34. **А. Серафимовичъ**—Стрѣлочникъ . . . . .
35. **В. Вересаевъ**—Въ сухомъ туманѣ . . . . .
36. **И. И. Митропольскій**—Отсрочка . . . . .
37. **А. Яблоновскій**—Удружилъ
38. **И. Франко**—Хорошій заработокъ . . . . .
39. **А. Крандіевская**—На работу
40. **Остои**—Поденщикъ . . . .
41. **Некрасовъ и Никитинъ**—Избранныя стихотворенія
42. **И. А. Бунинъ**—Байбаки . .
43. **А. И. Петровскій**—Не дался
44. **В. І. Дмитріева**—Бѣлыя крылья . . . . .
45. **А. Серафимовичъ**—Въ бурю
46. **А. Яблоновскій**—Конокрадъ

В. Алексѣевъ.

JN6500
.A55
1904

Народовластіе въ древней Руси.

Narodovlastie
v drevnei Rusi

Изд. „Донская Рѣчь"
Парамонова
въ Ростовѣ н-Д.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь".
1904.

1787 к/
25

Народовластіе въ древней Руси*).

I.

Кіевскій періодъ русской исторіи. Виды народовластія. Происхожденіе вѣчевого быта. Древнѣйшія извѣстія о вѣчевомъ бытѣ иностранныхъ писателей и лѣтописца. Новгородская „Хартія вольностей".

Начальный, кіевскій періодъ русской исторіи какъ-то совершенно обходится нашими популяризаторами, и такъ называемая большая публика мало или совсѣмъ даже незнакома съ нимъ. Обыкновенно въ ея представленіи этотъ періодъ наполненъ неинтересными княжескими усобицами, испещренъ трудно различимыми и запоминаемыми имена-

*) Пособіемъ при изученіи вѣча могутъ служить кромѣ полнаго собранія лѣтописей, слѣдующія сочиненія: Бѣляевъ. Разсказы изъ русской исторіи, 1 и 2 кн., Сергѣевичъ. Вѣче и князь, Соловьевъ. Исторія отношеній Новгорода къ великому князю, Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, Ключевскій. Боярская дума, Рожковъ. Новгородскія партіи (въ журналѣ Мин. Народн. Просвѣщія 1902 г. № 4), Шпилевскій. Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV (въ Юридич. журналѣ 1861 г. № 5), Щаповъ. Городскіе мірскіе сходы (въ журналѣ „Вѣкъ" 1862 г. № 12), Лимбертъ. Предметы вѣдомства вѣча, Дьячанъ. Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ.

Всѣми перечисленными и нѣкоторыми другими, менѣе важными пособіями пользовались при составленіи этой брошюры. Чтобы не затруднять чтенія мы нигдѣ не дѣлаемъ ссылокъ, которые болѣе умѣстны въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ въ популярныхъ работахъ.

ми русскихъ князей—камень преткновенія для школьниковъ. Между тѣмъ кіевскій періодъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ въ русской исторіи. Въ немъ, какъ ни въ какомъ другомъ, много привлекательнаго, много своеобразной красоты и величія. Наблюдателю этого періода русской исторіи постоянно чувствуется полнота и широта народной жизни. Онъ какъ бы все время видитъ передъ собой борьбу страстей, интересовъ, внѣшнимъ выраженіемъ которыхъ служитъ шумъ народнаго вѣча и кровавыя сѣчи князей. Правда шума иногда очень много и много также внѣшняго безпорядка, но зато видно, что народъ живетъ, народъ самъ, такъ сказать, распоряжается своей судьбой, направляетъ жизнь. Въ этомъ-то и состоитъ красота и величіе кіевскаго періода. Послѣ, въ московскій періодъ, мы уже не встрѣтимъ подобной картины. Тамъ нѣтъ шума, нѣтъ безпорядка, наоборотъ, избытокъ порядка, но и нѣтъ борьбы народныхъ страстей, нѣтъ народа-дѣятеля, распорядителя своихъ судебъ. Изслѣдователь народной жизни видитъ передъ собой монотонную однообразную работу скопидомовъ-князей московскаго государства и пассивную народную массу, потерявшую свою свободу п почти безмолвно влекущую положенное на нее ярмо службы и податного тягла. Контрастъ поразительный. И нетрудно сказать, гдѣ жизнь болѣе привлекательна...

Такая бросающаяся въ глаза полнота и широта народной жизни въ кіевскій періодъ находится въ тѣсной связи съ вѣчевымъ укладомъ ея, съ существованіемъ вѣча, которое было, выражаясь примѣнительно къ механикѣ, маховымъ колесомъ въ политическомъ строѣ древней Руси. Поэтому знакомство съ начальнымъ періодомъ русской исторіи надо начинать изученіемъ вѣча, иначе многое останется непонятнымъ. Къ тому же изученіе вѣча вдвойнѣ интересно. Изучающій найдетъ въ немъ не только историческій мертвый памятникъ, осколокъ минувшаго, но и живую идею, которая нашла себѣ приложеніе во многихъ современныхъ государствахъ. Идея вѣча, сущность

его заключается въ принципѣ народовластія, народоправленія и въ этомъ смыслѣ вѣче, умершее, отжившее свое время какъ форма, все еще въ будущемъ, какъ сущность, какъ идея.

Современное ученіе о государствѣ различаетъ два вида народовластія—чистое, какимъ является республиканскій образъ правленія, и смѣшанное, примѣромъ котораго можетъ служить конституціонная монархія, гдѣ верховная власть раздѣлена между монархомъ и народомъ. И въ той и въ другой формѣ нашелъ себѣ приложеніе принципъ народовластія—вполнѣ въ первомъ и отчасти во второмъ. Въ обоихъ случаяхъ въ современныхъ государствахъ народовластіе отлилось въ форму народнаго представительства. Форма непосредственнаго участія народа въ управленіи, т. е. поголовно, всей массой въ настоящее время осталась только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи. Если мы захотимъ это опредѣленное и точное дѣленіе формъ народовластія примѣнить къ кіевскому періоду русской исторіи, то будемъ поставлены въ затрудненіе и, пожалуй, на свой вопросъ, какой видъ народовластія передъ нами, мы не получимъ совершенно точнаго отвѣта, а только приблизительный.

Для такой глубокой древности, какъ первый періодъ русской исторіи, невозможна современная точность и опредѣленность понятій. Это эпоха господства обычая, когда отдѣльный фактъ значитъ больше, чѣмъ какая-либо норма, право еще въ зачаткѣ, измѣнчивая практика руководитъ всѣмъ и часто разрушаетъ даже установившіяся нормы. Здѣсь изслѣдователю нерѣдко приходится итти ощупью для того, чтобы отыскать точное опредѣленіе древне-русскому народовластію. Недаромъ такъ велика и противорѣчива литература по этому предмету. Одни изслѣдователи видятъ въ древне-русскомъ вѣчевомъ укладѣ чистое народовластіе, другіе скорѣе склонны отнести его ко второму виду, а третьи отрицаютъ всякое политическое значеніе вѣча, (кромѣ Новгорода и Пскова), низводятъ его

на степень просто административно хозяйственнаго органа. Въ этомъ разнорѣчіи виновато само учрежденіе, о которомъ толкуютъ. Какъ увидимъ послѣ, вѣчевой строй получилъ вполнѣ опредѣленную и довольно точную организацію только въ Новгородѣ, отчасти въ Псковѣ (позднѣе) и то не раньше XII вѣка, къ которому относятся документальныя свидѣтельства объ этомъ. Въ остальной Руси и въ Новгородѣ до XII вѣка вѣчевой строй оставался все время въ неорганизованномъ состояніи. Поэтому, прежде чѣмъ подводить вѣчевой строй подъ какую-либо изъ существующихъ государственныхъ формъ, лучше обратиться непосредственно къ жизни, къ практикѣ этого учрежденія. Она сама намъ покажетъ, что за учрежденіе вѣче. А послѣ, когда ясно станетъ изъ практики, что такое вѣче, можно будетъ подыскать ему соотвѣтствіе въ существующихъ государственныхъ учрежденіяхъ. При изображеніи вѣчевого быта мы, по возможности, постараемся удержать подлинный языкъ памятниковъ, замѣняя непонятныя выраженія современными. Пусть старина сама за себя говоритъ, своимъ языкомъ.

Тому, что создается медленнымъ процессомъ жизни, складывается подъ вліяніемъ фактическихъ условій, потребностей жизни, а не логическихъ измышленій, трудно опредѣлить начало. Такъ и съ вѣчемъ. Оно возникло несомнѣнно въ глубокой древности изъ простой вполнѣ естественной потребности народа обсуждать и рѣшать свои дѣла, и такъ какъ дифференціація политическая и соціальная не достигла тогда значительной степени, то эта потребность и вылилась въ форму непосредственнаго народнаго собранія, собранія поголовно, всего народа. Сказать, когда именно это произошло и какимъ образомъ, трудно. Давно, очень давно. Въ этомъ смыслѣ вѣче есть общечеловѣческое явленіе. Какъ показало сравнительное изученіе политическихъ учрежденій и наблюденіе надъ жизнью различныхъ народовъ, народныя собранія подобныя древне-

русскому вѣчу существовали у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени политическаго развитія, «когда въ общественной жизни еще вовсе не проявляется дифференціація строенія и спеціализація функцій, когда еще населеніе государства составляетъ однородную массу, когда нѣтъ еще сословныхъ различій, когда всѣ граждане ведутъ одинаковый образъ жизни». (Коркуновъ).

«Древняя Россія не знала сословій. Населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами. Различія по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка, всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій», кто оставался позади всѣхъ, характеризовался эпитетомъ «меньшого» человѣка» (Сергѣевичъ). Благодаря отсутствію перегородокъ и прикрѣпленію къ опредѣленной группѣ (какъ это установилось послѣ въ московской Руси) въ народной массѣ существуетъ свободное движеніе и перемѣщеніе, направляемое единственно личными усиліями или стихійными явленіями. Перемѣна въ положеніи однако нисколько не отражается, такъ сказать, на гражданскихъ правахъ населенія. Каждый былъ полноправнымъ гражданиномъ независимо отъ своихъ успѣховъ или неудачъ въ жизни. Ограниченіе налагалось только несвободнымъ состояніемъ и хозяйственной несамостоятельностью. Рабы и полурабы (закупы), а также неотдѣленные отъ отцовъ, хотя и взрослые, дѣти не были полноправными гражданами.

Положеніе князя «вѣчнаго странника» по лицу русской земли не давало возможности до извѣстнаго момента (который наступилъ гораздо позднѣе, когда вѣче уже перестало существовать) образоваться около него ядру послушнаго чиновничества и тѣсно сплоченной родовой аристократіи, которыя одновременно приносятъ съ собой об-

щественный антагонизмъ и становятся между властью и народомъ, образуя плотное средостѣніе.

При такихъ условіяхъ участіе народа въ управленіи могло выразиться только въ непосредственной формѣ. Къ сказанному надо еще прибавить, что каждый въ это время считалъ общественное дѣло своимъ, личнымъ (разница между первымъ и вторымъ еще не обозначилась ясно) и понятно, каждый поэтому, будучи полноправнымъ гражданиномъ, шелъ на общественную сходку для обсужденія и рѣшенія своихъ дѣлъ.

Вѣче, вѣчевая форма, есть форма коллективной жизни, коллективнаго веденія и рѣшенія дѣлъ. И въ такомъ широкомъ смыслѣ вѣчевое, или, какъ любили выражаться славянофилы, «хоровое» начало проникало всѣ сферы народной жизни древней Руси. Съ вершинъ народной жизни оно спускалось до самыхъ низинъ ея. Такимъ путемъ рѣшались какъ самыя важныя дѣла (въ родѣ войны и мира, избранія князя), такъ и такія, какъ раскладка податей, или разверстка земли. Вся Русь того времени можетъ быть представлена въ видѣ слагаемаго безчисленнаго количества отдѣльныхъ міровъ и мірковъ. То, что послѣ получило названіе «земель» (Кіевская, Черниговская, Переяславская, Галицкая, Полоцкая и т. д.) составилось изъ волостей, волости изъ городовъ, пригородовъ, селъ, деревень, деревни изъ починковъ и т. д. И всѣ эти небольшія и большія территоріальныя единицы управлялись, вели свои дѣла мірскимъ, общиннымъ путемъ; вездѣ здѣсь существовали мірскія, вѣчевыя сходки и выборные на такихъ сходкахъ органы управленія. Вслѣдствіе естественнаго прироста населенія и колонизаціи свободныхъ земель маленькія общины обращались въ большія. Изъ починковъ получались деревни, села, изъ селъ пригорода, наконецъ, города. Параллельно, одновременно съ хозяйственными успѣхами и ростомъ общинъ шли ихъ политическіе успѣхи и ростъ. Зависимые и лишенные высшихъ органовъ политической власти пригороды, дѣлались независимыми, са-

мостоятельными съ собственными органами верховной власти (княземъ и вѣчемъ). Такимъ именно образомъ шло соціально-экономическое и политическое развитіе областей или «земель» древней Руси—до появленія варяжскихъ князей и послѣ нихъ. Придя на Русь, князья нашли здѣсь уже болѣе или менѣе сложившійся описанный вѣчевой порядокъ, съ которымъ и вступили въ непосредственное общеніе и вмѣстѣ съ которымъ стали управлять Русью.

Относительно древности «изначальности» русскаго вѣча согласны какъ иностранные, такъ и русскіе источники.

Напримѣръ, изъ иностранныхъ писателей VI вѣка византіецъ Прокопій, наблюдавшій жизнь современныхъ ему славянъ, говоритъ, что они «не управляются однимъ лицомъ, но *издавна живутъ при народоправленіи*», и вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаетъ о народныхъ собраніяхъ у нихъ. Другой писатель того же времени византійскій императоръ Маврикій отмѣчаетъ въ славянскомъ характерѣ *любовь* къ *свободѣ* и непріязненное чувство къ неограниченной власти; по его словамъ, ихъ трудно склонить къ рабству или повиновенію. Императоръ же Константинъ Багрянородный прямо указываетъ на *широкое развитіе* у славянъ *самоуправленія*. При постоянномъ общеніи восточныхъ славянъ съ Византіей наблюденія этихъ писателей несомнѣнно относятся къ жизни нашихъ предковъ. Изъ позднѣйшихъ писателей, напримѣръ, Адамъ Бременскій тоже говоритъ о славянахъ, что они *не терпятъ* въ своей средѣ *господина* или повелителя, а Дитмаръ Мерзебургскій замѣчаетъ, что они не повинуются одному, а *всѣ совѣщаются* о дѣлахъ своихъ и рѣшаютъ дѣла *единогласно*.

Таковы свидѣтельства византійскихъ и другихъ писателей VI—XI в.в., рисующія намъ нашихъ предковъ славянъ свободолюбивымъ и самоуправляющимся народомъ.

Русскіе источники уже прямо говорятъ о вѣчѣ, какъ политическомъ учрежденіи и тоже отмѣчаютъ его древ-

ность, изначальность. По словамъ лѣтописца, «новгородци бо *изначала,* и смольняне, и кыяне и полочане, и вся власти (области), яко же на думу, *на вѣчь сходятся*». Вѣче, о которомъ здѣсь говоритъ лѣтописецъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго разсказа, было задолго до появленія на Руси варяжскихъ князей и продолжало существовать въ томъ же видѣ послѣ ихъ появленія. Слѣдующій разсказъ лѣтописи о смерти князя Игоря, убитаго древлянами и мести княгини Ольги, необыкновенно живо рисуетъ картину того вѣчевого быта, который застали варяжскіе князья у славянъ.

Возвращаясь однажды послѣ сбора дани, Игорь поразмыслилъ и сказалъ своей дружинѣ: «ступайте съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще». И, отпустивъ большую часть своей дружины, съ меньшей возвратился, чтобы собрать побольше дани. Древляне прослышали объ этомъ и подумавъ (сдумавше) съ своимъ княземъ Маломъ, рѣшили: «Повадится волкъ ходить за овцами, погубитъ все стадо, если не убить его; такъ и этотъ, если не убьемъ его, то всѣхъ насъ погубитъ». Послали его предупредить и такъ какъ Игорь не послушался, то, выйдя изъ Искоростеня, убили его вмѣстѣ съ дружиной... Послѣ этого древляне снова собрались и рѣшили: «Вотъ мы убили русскаго князя, возьмемъ его жену Ольгу замужъ за князя своего Мала и Святослава (сына его) возьмемъ и сдѣлаемъ съ нимъ, какъ хотимъ». И послали лучшихъ мужей числомъ 20 къ Ольгѣ. Посланные, придя къ Ольгѣ, сказали ей: «послала насъ Деревская земля сказать тебѣ—мужа твоего убили, такъ какъ мужъ твой ровно волкъ восхищаетъ и грабитъ, а наши князья добрые, пасутъ древлянскую землю. Поди замужъ за нашего князя Мала». Ольга дала уклончивый отвѣтъ и, какъ извѣстно, велѣла перебить пословъ, затѣмъ потребовала отъ древлянъ вторичнаго посольства. Со вторыми послами поступила такъ же, и наконецъ, поѣхала къ древлянамъ и перебила ихъ, напившихся-до пьяна на тризнѣ по Игорѣ.

Въ этомъ нѣсколько поэтическомъ и легендарномъ разсказѣ лѣтописи все время дѣйствуетъ народъ, сами древляне. Они совѣтуются, собравшись на сходку (вѣче) о дѣйствіяхъ Игоря и рѣшаютъ убить его. Они же рѣшаютъ затѣмъ посватать князя Мала за Ольгу и посылаютъ къ ней пословъ съ вѣча. И послы, придя къ Ольгѣ, говорятъ, что ихъ послала къ ней деревская земля, т. е. древляне. Такимъ образомъ, предъ нами вѣчевая жизнь, народная самодѣятельность въ полной, такъ сказать, силѣ. То же было и у другихъ славянскихъ племенъ. О полянахъ лѣтописецъ говоритъ, что они «*сдумавша* (подумавъ на вѣчѣ) и вдаша отъ дыма (двора) мечъ» (рѣчь идетъ о дани хазарамъ). Когда печенѣги осадили Бѣлгородъ въ 997 году, то, по словамъ лѣтописца, осажденные «сотвориша *вѣче* въ городѣ». Наконецъ, до насъ дошли отъ того же отдаленнаго времени, документальныя свидѣтельства вѣчевой дѣятельности. Это торговые договоры первыхъ русскихъ князей Олега и Игоря съ греками. Въ нихъ указано, отъ чьего имени заключены договоры—отъ имени князей «и ото *всѣхъ, иже* (которые) *суть подъ рукою его сущихъ Руси*», т. е. населенія Руси, всего народа или, какъ это сказано въ Игоревомъ договорѣ: «и отъ *всѣхъ людій Русскія земли*». Понятно, кого разумѣетъ договоръ подъ «людьми». Кромѣ того сами послы, придя въ Константинополь, говорятъ о себѣ, что ихъ послали («послаша ны») къ византійскимъ императорамъ Роману и Константину «великій князь нашъ Игорь, и боляре его, и *людіе вси рустіи,* т. е. все населеніе. Значитъ, заключеніе договора состоялось на вѣчѣ, по приговору всего народа...

Въ приведенномъ выше извѣстіи лѣтописца объ обычаѣ славянъ изначала сходиться на вѣче, сказано, что такъ дѣлаютъ «вся власти», т. е. обычай вѣчевого рѣшенія дѣлъ былъ повсемѣстный, во всѣхъ областяхъ древней Руси. Кромѣ того тотъ же лѣтописецъ дѣлаетъ прямыя указанія на вѣча въ различныхъ городахъ и областяхъ Руси. Профессоромъ Сергѣевичемъ насчитано такихъ ука-

заній болѣе 50. Въ этихъ указаніяхъ мы не вездѣ найдемъ слово вѣче или прямо соотвѣтствующее ему выраженіе, свидѣтельствующее о вѣчевомъ рѣшеніи. Очень часто мы встрѣтимъ выраженія въ родѣ «*яша* (взяли) полочане Рогволода Борисовича, князя своего, и *послаша* въ Минскъ»... «*приведоша* ростовцы и бояре Мстиславля Ростиславича изъ Новгорода»... «и *послаша* (говорится о войскѣ, осадившемъ г. Владимиръ) къ володимерцамъ»... Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ выраженіяхъ, ясно говорящихъ о дѣйствіяхъ всего народа, общихъ, совмѣстныхъ, мы должны видѣть проявленіе вѣчевого начала. Имъ или предшествовали вѣчевыя собранія, совѣщанія, или же (что вполнѣ возможно по условіямъ того времени) сами дѣйствія были, такъ сказать, импровизированными вѣчами. Предварительное совѣщаніе въ этихъ случахъ часто не легко отдѣлить отъ исполненія—оба момента нерѣдко совпадали. Вообще при элементарности правосознанія и формъ политической жизни того времени приходится смотрѣть на каждое коллективное дѣйствіе народа, какъ на дѣйствіе вѣчевое, какъ на приложеніе принципа народовластія. Будь это взрывъ негодованія народной массы, народный самосудъ (какъ бы мы сказали теперь) или болѣе или менѣе правильная сходка, переговоры, цѣлованіе креста (присяга), заключеніе ряда (договора) съ княземъ—все равно. Внѣшняя грубость, неоформленность говоритъ лишь о древности времени и грубости нравовъ, а не о неумѣстности здѣсь выраженія «народовластіе». Самъ лѣтописецъ, нерѣдко отмѣчая подобные же случаи, прямо говоритъ о вѣчевомъ рѣшеніи, выражаясь въ родѣ... «на утро же *совѣтъ сотвориша* кіяне»... «въ то же лѣто *сдумавше* ростовцы и суздальцы и володимерцы вси, пояша Андрея»... «смольняне же *почаша вѣче дѣяти*»... и т. п., т. е. коллективному дѣйствію предшествуетъ коллективное же, вѣчевое совѣщаніе. Отсюда лѣтописцемъ не исключаются и случаи прямого насилія толпы, собравшейся на вѣче. Значитъ каждому времени—свое. Что на современномъ языкѣ называется само-

судомъ и карается какъ преступленіе, въ X—XII вѣкахъ было народнымъ судомъ. То, что теперь дѣлаетъ опредѣленное лицо, облеченное соотвѣтствующей властью (напримѣръ, конфискацію имущества) то раньше дѣлалъ самъ народъ, народная толпа. Скажутъ, гдѣ же граница между насиліемъ, своеволіемъ, наконецъ, даже буйствомъ разнузданной толпы, черни и дѣйствительнымъ, законнымъ исполненіемъ воли органа народовластія? Очень часто трудно уловимая разница. Итакъ кромѣ случаевъ очевиднаго народнаго бунта, насилія, ничѣмъ не связаннаго съ вѣчемъ,—повторяемъ—на всякое коллективное дѣйствіе народа, о которомъ намъ сообщаютъ источники, надо смотрѣть какъ на проявленіе вѣчевого начала. Слѣдуетъ только различать вѣче въ широкомъ смыслѣ отъ вѣча въ узкомъ, тѣсномъ смыслѣ. Первое имѣло мѣсто во всѣхъ сферахъ народной жизни, какъ мы замѣтили выше, а второе въ политической сферѣ. Мы въ предлагаемой брошюрѣ, ограничимся послѣдней сферой,—будемъ разсматривать вѣче, какъ органъ государственной власти.

Мы сказали, что время возникновенія вѣча опредѣлить невозможно. Это справедливо для всей Руси. Но исторія Новгорода, гдѣ вѣчевое начало получило наибольшее развитіе и регламентацію, занесла на свои страницы чрезвычайно любопытное извѣстіе объ утвержденіи новгородской вольности (народоправленія) письменнымъ актомъ, княжеской грамотой. Это произошло въ 1019 г., когда побѣдой при рѣкѣ Альтѣ новгородцы проложили путь Ярославу къ кіевскому столу. Въ видѣ признательности за такую услугу Ярославъ далъ имъ «уставъ», «правду», утверждающую на вѣчныя времена народоправленіе Новгорода. Написавъ грамоту, Ярославъ, по словамъ лѣтописи, сказалъ: «по сему ходите и держите, яко же списахъ (написалъ вамъ)». Грамота предоставляла Новгороду—право самоуправленія и суда и освобождала отъ дани, которую до сихъ поръ Новгородъ платилъ кіевскому князю... Однако съ этимъ извѣстіемъ не надо соединять начала

новгородской вольности. Оно не значитъ, что Новгородъ только при Ярославѣ (въ началѣ XI в.) получилъ автономію. По выраженію лѣтописца, новгородцы «издавна суть свобожени прадѣды князь», т. е. свободны отъ древнѣйшаго времени отъ древнѣйшихъ князей. Ярославова грамота 1019 года только закрѣпила писаннымъ закономъ древній обычай. Новгородцы получили черезъ нее своего рода «великую хартію вольностей», гарантирующую ихъ права, вольности на вѣчныя времена отъ посягательствъ. И, дѣйствительно, послѣ новгородцы всегда ссылались на Ярославову грамоту, какъ на такую хартію. Напримѣръ, когда московскій князь потребовалъ отъ Новгорода въ двойномъ размѣрѣ ордынскаго выхода (дани), якобы по требованію Узбека, то новгородцы заявили ему: «Изначала не бывало того—по старой пошлинѣ (отъ глагола «пошло») новгородской и *по грамотамъ прадѣда твоего Ярослава Володимеровича,* т. е. и по обычаю, традиціи и по писанному праву. Къ той же аргументаціи прибѣгалъ Новгородъ и во время борьбы за свободу съ Москвою. По образцу Ярославовой грамоты писались всѣ послѣдующія договорныя грамоты Новгорода съ князьями. Самое имя Ярослава глубоко чтилось новгородцами за выдачу «хартіи», и какъ бы въ назиданіе потомству и въ воспоминаніе укрѣпленія новгородской свободы обычное мѣсто вѣчевыхъ собраній названо Ярославовымъ дворомъ.

Ничего подобнаго не знала низовая Русь. Вмѣстѣ съ юридической опорой вольностей, у новгородцевъ была еще опора нравственная, религіозная. Патрономъ Новгорода считалась св. Софія (въ Новгородѣ былъ храмъ во имя св. Софіи). И въ представленіи новгородцевъ Господинъ Великій Новгородъ (оффиціальный титулъ новгородской земли) обладатель новгородской территоріи и носитель новгородской автономіи, и св. Софія сливались въ одно цѣлое. Они твердо вѣрили, что св. Софія стоитъ на стражѣ новгородской автономіи, не дастъ ихъ въ обиду. Независимость и автономія Новгорода такъ же дороги св.Софіи, какъ и самимъ новгородцамъ.

II.

Распространенность вѣчевого порядка въ древней Руси. Вѣчевая жизнь области. Взаимныя отношенія городовъ и пригородовъ.

Русь разсматриваемаго нами времени представляла изъ себя собраніе отдѣльныхъ областей, земель. Каждая изъ земель жила самостоятельною областною жизнью, принимая участіе вмѣстѣ съ другими землями только въ общерусскихъ общеземскихъ дѣлахъ, какъ походы противъ поганыхъ, охрана торговыхъ путей и т. д. Центромъ области былъ главный городъ, столица, такъ сказать, гдѣ сидѣлъ князь и собиралось областное вѣче. Кіевъ считался столицей главной области, кіевской, и потому князь Кіева назывался великимъ и служилъ внѣшнимъ выраженіемъ единства Руси, раздробленной въ дѣйствительности на множество земель. Такимъ образомъ, во всѣхъ областяхъ, земляхъ Руси въ главныхъ городахъ было по князю и по вѣчу— вспомнимъ выраженіе лѣтописца «вся власти, яко же на думу, на вѣча сходятся». Но кромѣ главныхъ городовъ князья и вѣча могли быть и дѣйствительно бывали и во второстепенныхъ городахъ области, пригородахъ, по выраженію того времени. Это зависѣло отъ значенія пригорода. Незначительные пригороды не имѣли ни того, ни другого. Князя здѣсь замѣнялъ его намѣстникъ, а народнымъ собраніемъ служило вѣче главнаго города. Обыкновенно область жила общею жизнью—пригороды тянули къ своему городу, и городъ стоялъ на сторожѣ интересовъ всей совокупности пригородовъ, всей области. Въ такомъ случаѣ выразителемъ единства и общности интересовъ цѣлой области и служило вѣче главнаго города. Слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи прекрасно выражаетъ такое единство, солидарность города и пригородовъ. Рѣчь идетъ о заключеніи вѣчнаго мира между Новгородомъ и

Псковомъ въ 1397 г., когда Псковъ былъ уже не пригородомъ, а самостоятельнымъ городомъ.

«И цѣловалъ крестъ—говоритъ лѣтописецъ—посадникъ новгородскій Тимофей Юрьевичъ, и Микита, тысяцкій—Ѳедоровичъ *за весь Великій Новгородъ* и *за пригороды* и *за всѣ свои волости*... Въ тѣхъ же выраженіяхъ лѣтописецъ говоритъ о крестоцѣлованіи со стороны Пскова. Такимъ образомъ, выборные представители новгородской и псковской администраціи присягаютъ при заключеніи мира за всю область.

При тѣсной сплоченной жизни городовъ съ пригородами наблюдалось даже, что иногда городъ приглашаетъ жителей пригородовъ на свое вѣче для совмѣстнаго обсужденія какого-либо вопроса. Напримѣръ, подъ 1136 г. лѣтописцемъ занесено извѣстіе о приглашеніи новгородцами псковичей и ладожанъ подумать, «яко изгнати князя своего Всеволода». Подобное же вѣче при участіи пригорожанъ было въ 1175 г. по смерти князя Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ для избранія новаго князя съ тою разницею, что вѣче происходило не въ старшемъ городѣ Ростовѣ или Суздалѣ, а въ пригородѣ, но устроено оно было старшимъ городомъ, пригласившимъ владимирцевъ и переяславцевъ. Кромѣ того, какъ видно изъ тѣхъ же лѣтописей, жители пригородовъ могли участвовать въ вѣчѣ главныхъ городовъ и безъ приглашенія, какъ равноправные члены. Если они случайно находились во время вѣча въ городѣ, они шли на него, и никто этому не препятствовалъ. Наконецъ, могло быть (и бывало дѣйствительно) обратное—жители главнаго города принимали участіе въ вѣчѣ пригорода. Такъ въ 1372 г. новгородцы бояре, пріѣхавъ въ Торжокъ ставить городъ «совокупишася и единишася съ новоторжцы, и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, чтобы быти и стати за одинъ»... т. е. заключили соглашеніе съ новоторжцами на общей съ ними думѣ, вѣчѣ въ Торжкѣ. Совмѣстная и солидарная жизнь города и пригородовъ не исключала такимъ образомъ самостоя-

тельности пригородовъ, самоуправленія и распоряженія своими дѣлами. Новгородскій пригородъ Порховъ даже на свой страхъ «за себя» (по выраженію лѣтописи) заключилъ миръ съ кн. Витовтомъ, когда онъ подступилъ къ городу въ 1428 году. И новгородскіе послы приняли этотъ мирный договоръ, дополнивъ только его нѣсколькими новыми условіями.

Въ такомъ видѣ представляется вѣчевая жизнь области, земли при солидарности составныхъ частей ея, и порядокъ отношеній городовъ и пригородовъ можетъ быть дѣйствительно тогда формулированъ классическимъ выраженіемъ лѣтописи: «на чемъ старѣйшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ».

Но дѣло въ томъ, что пригороды не всегда жили въ ладу «съ старѣйшими» городами. Даже—при тѣхъ бурныхъ временахъ—трудно рѣшить, что чаще было между ними: солидарность, миръ, или рознь, размирье. Извѣстно, напримѣръ, что Псковъ велъ постоянную борьбу съ Новгородомъ, пока не добился самостоятельности. Пока пригородъ слабъ, онъ молчитъ, но вотъ ему улыбнулось счастье, и онъ поднялъ голову, и между нимъ и главнымъ городомъ завязывается борьба. Тогда уже не можетъ быть рѣчи о представительствѣ главнымъ городомъ интересовъ цѣлой области. Благопріятное стеченіе обстоятельствъ могло поставить пригородъ въ уровень съ городомъ, даже выше его. Зачѣмъ тогда ему кланяться старѣйшему городу, почему не вершить своихъ дѣлъ совершенно самостоятельно? Обостреніе отношеній между городомъ и пригородами въ такихъ случаяхъ нерѣдко приводило къ дѣйствію пригорода даже наперекоръ волѣ главнаго города.

Выше мы привели примѣръ, какъ новгородцы совмѣстно съ псковичами и ладожанами по общему рѣшенію прогнали изъ Новгорода князя Всеволода. Однако въ слѣдующемъ году въ стѣнахъ Новгорода возникла агитація въ пользу изгнаннаго князя, поднятая его друзьями. И такъ какъ агитація здѣсь не имѣла успѣха, то сторонники Все-

волода перенесли свою дѣятельность въ Псковъ, въ результатѣ чего явилось вѣчевое рѣшеніе псковичей вернуть Всеволода, т. е. пригородъ принялъ рѣшеніе, противное рѣшенію главнаго города. Мало того, псковичи съ оружіемъ въ рукахъ стали отстаивать свое рѣшеніе, когда новгородцы подступили съ новымъ княземъ. «И не покоришася псковичи имъ, ни выгнаша князя отъ себя». И Новгородъ уступилъ Пскову. Аналогичный случай былъ въ г. Дрюцкѣ въ 1159 г., вступившемъ въ открытую борьбу съ главнымъ городомъ области Полоцкомъ. Дрючане, выгнавъ сына Полоцкаго князя Ростислава Глѣбовича, пригласили къ себѣ князя Рогволода Борисовича, изгнаннаго изъ Полоцка еще въ 1151 г. Тогда полочане, предводимые княземъ Ростиславомъ выступили противъ Дрюцка. Но походъ не имѣлъ успѣха. Верхъ взяли дрючане, и былъ заключенъ миръ, выгодный для виновника распри Рогволода. Псковичи въ 1228 году во время борьбы съ Новгородомъ заключили даже оборонительный союзъ съ нѣмцами. Изъ исторіи другого новгородскаго пригорода Торжка извѣстенъ случай открытаго неповиновенія постановленію главнаго города. Именно въ 1228 г. Новгородъ далъ посадничество въ Торжкѣ нѣкоему Ивану Дмитріевичу, а новоторжцы «не пріяша его». И Новгородъ смолчалъ. Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, можно найти еще много, какъ для болѣе ранняго такъ и для болѣе поздняго времени.

Соперничество между городами, желаніе выбиться изъ незначительнаго, зависимаго положенія, борьба пригородовъ съ главными городами, наполняютъ весь кіевскій и отчасти московскій періодъ русской исторіи. Вѣчевая жизнь области и отразила въ себѣ эту борьбу, это соперничество.

И такъ вѣче существовало, какъ въ главныхъ городахъ, такъ и въ пригородахъ, не только большихъ, значительныхъ, но даже въ самыхъ незначительныхъ. Независимо отъ ихъ взаимныхъ отношеній вѣчевая жизнь тѣхъ и другихъ текла самостоятельно, и авторитетъ вѣчъ опредѣ-

лялся обстоятельствами, а не то чтобы голосъ вѣча главнаго города имѣлъ безусловно обязательную силу для пригородовъ. По обстоятельствамъ могло быть даже наоборотъ.

Слѣдуетъ однако оговориться, что, хотя вѣчевой порядокъ дѣйствовалъ на всемъ пространствѣ древней Руси, но дѣйствіе его не вездѣ было одинаково. Экстенсивность его не отвѣчала интенсивности. Не говоря уже о Новгородѣ и Псковѣ, исключительныхъ центрахъ вѣчевой дѣятельности, въ остальныхъ областяхъ, въ однихъ вѣчевая жизнь била ключемъ, а въ другихъ вѣче изрѣдка заявляло о своемъ существованіи.

III.

Организація вѣча. Составъ вѣча, время, мѣсто и порядокъ вѣчевыхъ собраній. Созывъ вѣча. Тайныя вѣчевыя собранія. Кіевское вѣче 1147 года. „Одиначество“ вѣчевыхъ рѣшеній. Вѣчевыя партіи. Народное возстаніе въ Новгородѣ въ 1418 году. Исполненіе вѣчевыхъ приговоровъ.

Когда лѣтописецъ говоритъ о вѣчѣ, о вѣчевомъ рѣшеніи или дѣйствіи, онъ употребляетъ такія выраженія: ...«*граждане* созваша вѣче»... «и рѣша *людіе*»... «кликнуша *людіе* на Давыда (князя)».... «совѣтъ сотвориша *кіяне*»... «*и людіе черниговцы* возопиша ко Всеволоду»... «скопишася *вси кіяне*». Древлянскіе послы, придя къ Ольгѣ, говорятъ, что ихъ послала древлянская земля. А вятичи, когда въ 1489 году Иванъ IV хотѣлъ для уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ разселить ихъ, просили отсрочки, говоря пріѣхавшимъ московскимъ воеводамъ—«дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ *всей земли Вятской*». Вѣчевой памятникъ,-торговые договоры съ греками, тоже говоритъ о заключеніи договоровъ «*отъ всѣхъ людей Русскія земли*». Подчеркнутыя нами слова указываютъ на составъ вѣча. И, какъ видимъ, составъ

этотъ опредѣляется довольно широко—вѣче созываютъ «граждане», «людіе» области, «всѣ кіяне», на вѣчѣ собирается и постановляетъ «земля», наконецъ «вся земля», «всѣ люди русской земли», т. е. въ вѣчевыхъ сходкахъ и рѣшеніяхъ участвуетъ все населеніе области. Однако слово «все» здѣсь нужно принимать съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Во-первыхъ, подъ всѣмъ понимается только мужское взрослое населеніе и, во-вторыхъ, свободное, не находящееся ни въ какой личной зависимости. Полурабы (закупы) и рабы (холопы), вообще ограниченные въ правахъ по древне-русскому обычаю и закону, не могли принимать участія въ вѣчѣ. Точно такъ же, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ выраженій лѣтописи, не могли участвовать въ вѣчѣ дѣти, хотя и взрослые, но не выдѣленные изъ семьи. Независимо отъ перечисленныхъ ограниченій, дѣйствительно, каждый шелъ на вѣче, если хотѣлъ, находилъ это нужнымъ. Но посѣщеніе вѣчевыхъ собраній не было ни для кого обязанностью (принужденіе къ участію въ вѣчѣ практиковалось только въ исключительные моменты агитаціи, борьбы политическихъ партій, агентами партій). Оно было скорѣе правомъ. Наконецъ, никто не провѣрялъ правъ на участіе въ вѣчѣ, существовала полная свобода, и на вѣче могли являться даже не имѣвшіе на это права.

Понятно, при такихъ условіяхъ составъ вѣча какъ количественный, такъ и качественный былъ крайне измѣнчивъ. Сегодня много, завтра мало; сегодня дѣйствительно «вся земля», «всѣ граждане», а завтра кучка, взявшая перевѣсъ партія. Иногда въ вѣчѣ участвовали и бояре и духовенство, даже князь (если это не выборы князя), а иногда одно простонародье, худые мужики. Случалось, что вѣче собиралось во время похода въ стану. Тогда, конечно, въ составъ его входило все находившееся здѣсь войско. Разъ не было никакихъ требованій относительно количественнаго и качественнаго состава вѣча, то не могло быть и зависимости законности вѣчевого собранія

отъ числа явившихся на него. Вѣче считалось законнымъ въ зависимости не отъ числа собравшихся, а отъ, такъ сказать, фактическаго авторитета собравшихся. Та же неопредѣленность господствовала и во времени и срокахъ вѣчевыхъ собраній. Вѣче очевидно собиралось по мѣрѣ надобности—когда чаще, когда рѣже. Изъ исторіи Новгорода извѣстенъ случай ежедневнаго собранія вѣча въ теченіе двухъ недѣль—по дѣлу князя Патрикія, поднявшаго въ 1384 г. смуту въ Новгородѣ. Тогда какъ въ иныхъ областяхъ вѣче иногда не созывалась ни разу цѣлый годъ.

При такомъ стихійномъ характерѣ вѣчевой жизни, самый естественный способъ созванія вѣча—самимъ народомъ. Народъ, видя надобность въ разрѣшеніи какихъ-либо вопросовъ, сходится въ опредѣленное мѣсто и обсуждаетъ дѣла. Назрѣваетъ какой либо вопросъ, происходитъ броженіе въ умахъ, и дѣло разрѣшается вѣчемъ. Никто въ частности его не созывалъ, оно составилось само собой. Народъ собрался, сталъ толковать, и вѣче готово.

«На утро же въ семнадцатый день—говорится, напримѣръ, въ лѣтописи—совѣтъ сотвориша кіяне (сами безъ всякаго приглашенія), послаша къ Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отца и дѣда» (приглашеніе Владимира Мономаха на кіевскій столъ) или: «Въ то же лѣто сдумавши ростовцы и суздальцы и володимерцы всѣ, взяли Андрея, сына Юрія, и посадиша его на отцовскомъ столѣ»...

Созваніе вѣча самимъ народомъ было естественнымъ и очень распространеннымъ спосообомъ, но не единственнымъ. Въ той же лѣтописи находимъ извѣстія о созывѣ вѣча князьями.

«На утро же Святополкъ, кн. кіевскій, созва бояръ и кіянъ и повѣда имъ»... (объ ослѣпленіи кн. Василька въ 1097 г.)

«На утро же день,ославъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ и повелѣ звонити вѣче, и такъ новгородцы и псковичи снидошася на вѣче»...

Есть извѣстія о созывѣ вѣча посадникомъ, наконецъ

извѣстны случаи, когда вѣче созывалось отдѣльными, частными лицами, т. е. въ созывѣ вѣча не было опредѣленнаго порядка.

Нѣкоторые историки, желая внести сюда опредѣленность, дѣлятъ вѣча на «законныя» и «незаконныя», относя къ первымъ вѣча, созываемыя княземъ или посадникомъ, а ко вторымъ вѣча, созываемыя народомъ, которыя въ ихъ глазахъ являются простыми скопищами. Они переносятъ свою современную точку зрѣнія на явленія политической жизни, не знавшей такой строгой опредѣленности и классификаціи и доходятъ до абсурда. Какъ можно считать дѣйствія народа незаконными только потому, что онъ самостоятельно собрался на народное собраніе, когда этому народу принадлежала верховная власть, и князь, которому названные историки предоставляютъ исключительное право созыва вѣча, обыкновенно нуждался въ утвержденіи своей власти вѣчемъ. Современникъ событій лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ, приводя примѣры созыва вѣча тѣмъ и другимъ порядкомъ, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, въ смыслѣ ихъ законности. Не видно изъ лѣтописи, чтобы и князья не считались съ рѣшеніями «незаконныхъ» вѣчъ.

Гораздо ближе поэтому къ истинѣ объясненіе такой свободы въ созывѣ вѣча, которое даетъ историкъ Костомаровъ.

«Созвать вѣче—значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить передъ народомъ, могъ и созвать вѣче». А такимъ правомъ обладалъ каждый свободный гражданинъ.

Съ этой точки зрѣнія созывъ вѣча княземъ служитъ признакомъ того, что князь почему-либо нуждается въ вѣчѣ, въ голосѣ народа, а не доказательствомъ прерогативы княжеской власти на подобіе прерогативы современнаго конституціоннаго монарха созывать народныхъ представителей. Если бы такая прерогатива существовала, вѣче всегда созывалось бы княземъ или посадникомъ, и всякое

«самовольное» вѣче ни для кого не было бы обязательно. Объ обязательности «самовольнаго» вѣча для народа, конечно смѣшно говорить, когда вѣче и есть народъ, но о князѣ въ этомъ смыслѣ можно говорить. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Князь подчиняется волѣ «незаконнаго» вѣча, а вѣче нерѣдко поступаетъ вопреки волѣ князя.

Поэтому въ вопросѣ о созывѣ вѣча гораздо важнѣе другое условіе—желаніе народа выслушать предложеніе созывающаго вѣче. Народъ могъ не пойти за зовущимъ его на вѣче. И разъ вѣче играло огромную роль въ политической жизни древней Руси, то наличность этого условія была существенно необходима.

Во время похода новгородскаго князя Мстислава Мстиславича на кн. Всеволода Чермнаго былъ такой случай (1214 г.). Новгородцы, дойдя до Смоленска, отказались итти далѣе. Князь «сталъ звать ихъ на вѣче, они же не пошли» и даже «сотворили вѣче особо, начали гадать». Желаніе князя не совпало съ народнымъ, и вѣче не состоялось, и князь остался безъ помощи. Слѣдовательно рѣшающимъ фактомъ въ вѣчевомъ собраніи было желаніе, воля народа.

Собирался народъ на вѣче по звону вѣчевого колокола. Такъ было всегда въ Новгородѣ. Въ Москвѣ въ 1382 году во время нашествія Тохтамыша стали бить даже во всѣ колокола для созыва народа на вѣче. Но это исключительный случай. Обыкновенно же для этой цѣли служилъ одинъ колоколъ, висѣвшій на башнѣ около площади. Иногда, впрочемъ, вѣче собиралось и черезъ бирючей, т. е. посыльныхъ, приставовъ.

Собранія вѣчевыя происходили на открытомъ воздухѣ, обыкновенно на городскихъ площадяхъ, или за городомъ, если площадь не вмѣщала всѣхъ. Въ Новгородѣ обычнымъ мѣстомъ вѣчевыхъ собраній служила площадь на Ярославовомъ дворѣ или площадь у св. Софіи, въ Кіевѣ тоже Ярославовъ дворъ или площадь у св. Софіи, иногда и

другія мѣста. Случай и здѣсь игралъ большую роль, опредѣлялъ мѣсто вѣча. Во время похода вѣче происходило на полѣ брани, и народъ «дѣялъ вѣче», не слѣзая съ коней. При борьбѣ партій могло быть одновременно нѣсколько вѣчевыхъ собраній въ различныхъ мѣстахъ. Это часто бывало въ Новгородѣ.

Въ лѣтописи упоминается еще о какомъ то тайномъ вѣчѣ, «по дворамъ».

«Въ то же лѣто (1169 г.) начаша новгородцы вѣче дѣяти *въ тайнѣ, по дворамъ* на князя своего на Святослава на Ростиславича». Это похоже на какой-то заговоръ. И нѣкоторые историки, о которыхъ мы говорили уже, дѣйствительно видятъ здѣсь заговоръ. Между тѣмъ князь, противъ котораго составлялся «заговоръ», по свидѣтельству лѣтописи, прислушивался къ голосу тайнаго вѣча», разузнавалъ, какъ къ нему относится народъ и, узнавъ, что неблагопріятно, уѣхалъ въ Луки.

Но что же это на самомъ дѣлѣ?

Намъ кажется, что это ни заговоръ, «незаконное» вѣче, какъ думаютъ одни историки, ни вѣче въ обычномъ смыслѣ, какъ думаютъ другіе. Это скорѣе всего предварительное вѣче, предшествовавшее настоящему. Случай сейчасъ нами приведенный имѣлъ мѣсто во время выборовъ князя. Очевидно вѣче по дворамъ было, такъ сказать, предвыборной агитаціей. Обсужденіе качествъ кандидата невозможно гласное, тѣмъ болѣе въ присутствіи его самого. Поэтому вѣче происходитъ «въ тайнѣ», по дворамъ. Подобное же тайное вѣче было въ Новгородѣ въ 1138 году противъ князя Святослава Ольговича. «И надумали (новгородцы)—разсказываетъ лѣтописецъ—тайно поклявшись изгнати отъ себя изъ Новгорода князя Святослава Ольговича и взяти опять Всеволода: и такъ надумавъ тайно, поклялись, чтобы никто не узналъ» (Царств. л. 36.) Въ томъ же Новгородѣ извѣстны явныя предварительныя собранія (частныя вѣча)—вѣча концовъ, предшествовавшія общему большому вѣчу всего города. Намъ кажется, что между

первыми тайными и послѣдними явными въ сущности полная аналогія. Вѣроятно что нибудь подобное бывало и въ другихъ городахъ древней Руси.

Картину самыхъ вѣчевыхъ собраній можно довольно полно возстановить по лѣтописи.

Древнѣйшее изъ описаній вѣчевыхъ собраній относится къ 987 году. Это совѣщаніе князя Владимира св. о перемѣнѣ вѣры. Оно происходило дважды: передъ отправленіемъ посольства въ иноземныя государства для испытанія вѣры и по возвращеніи посольства. На совѣщаніи Владимиръ все время бесѣдуетъ съ боярами и старцами градскими (т. е. представителями служилой и городской аристократіи). Онъ имъ сообщаетъ о томъ, какъ къ нему приходили различные люди, и каждый хвалилъ свою вѣру, на что бояре и старцы замѣтили, что никто не станетъ хулить своего и лучше для испытанія вѣры снарядить въ эти страны посольство. Народъ же, люди, безмолвно присутствуетъ здѣсь. О немъ лишь говорится, что рѣчь бояръ и старцевъ о посольствѣ «была люба князю и всѣмъ людямъ», послѣ чего дѣйствительно снарядили посольство, выбравъ «мужей добрыхъ и смысленныхъ числомъ 10». По возвращеніи посольства состоялось опять такое же совѣщаніе. Такимъ образомъ здѣсь активная роль на вѣчѣ принадлежитъ князю и боярамъ со старцами, а народъ играетъ пассивную роль.

Но наиболѣе подробное и яркое описаніе вѣчевого собранія относится къ 1147 году—описаніе кіевскаго вѣча, полное драматизма и жизни. Это эпизодъ изъ вѣковой борьбы князей Ольговичей (въ данномъ случаѣ Игоря и Святослава, изгнанныхъ изъ Кіева) съ Давыдовичами (Изяславомъ и Владимиромъ черниговскими),

Ольговичи послѣ изгнанія ихъ изъ Кіева и призванія кіевлянами на великокняжескій столъ Изяслава Мстиславовича, сдѣлали попытку вернуть кіевскій столъ. У нихъ нашелся союзникъ въ лицѣ дяди Изяслава, суздальскаго князя Юрія. А къ Изяславу присоединились Давыдовичи. Изя-

славъ прежде чѣмъ итти въ походъ противъ Ольговичей, созвалъ вѣче, чтобы заручиться поддержкой кіевлянъ.

«Я уговорился — сказалъ онъ собравшемуся народу—съ братьями своими Давыдовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ,—хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ тоже придетъ къ намъ съ смольнянами и новгородцами». Кіевляне отвѣчали на это: «князь, не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи.» Изяславъ отвѣчалъ: «Нельзя,—они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь». Тогда кіевляне сказали: «ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимирово племя руку поднять; вотъ если бы на Ольговичей, пошли бъ съ дѣтьми». (Соловьевъ I, стр. 403). И дѣйствительно не пошли съ княземъ *(первое вѣче)*.

Тогда Изяславъ набралъ охотниковъ и выступилъ въ походъ, оставивъ брата своего Владимира въ Кіевѣ. Но его постигла неудача—Давыдовичи, какъ это предполагали кіевляне, измѣнили ему. Приходилось опять обращаться за помощью къ кіевлянамъ. Съ этой цѣлью Изяславъ отправилъ въ Кіевъ къ брату, митрополиту и тысяцкому пословъ—созвать кіевлянъ на вѣче и сообщить имъ объ измѣнѣ Давыдовичей.

«Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика*) и когда стали на вѣчѣ, то посолъ Изяславовъ началъ говорить имъ: «князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: «Я вамъ прежде объявлялъ (первое вѣче), что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давыдовичами итти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на владимирово племя рукъ поднять, на Юрія, а на Ольговичей—однихъ пошли бы и съ дѣтьми;

*) Въ лѣтописи сказано: „и придоша кыяне много множество народа."

такъ теперь вамъ объявляю,—Давыдовичи и Всеволодичъ Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловалъ тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послалъ и къ Юрію, а меня или хотѣлъ схватить или убить за Игоря, но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что ко мнѣ цѣловалъ. Такъ теперь, братья кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь,—тотъ на конѣ, у кого нѣтъ—тотъ въ лодкѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить.»

Кіевляне отвѣчали на это: «Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды, идемъ за тобой и съ дѣтьми».

Но въ это самое время кто-то изъ толпы сказалъ: «По князѣ то своемъ мы пойдемъ съ радостью; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить,—какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ,—не въ заточеньи, а въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ; покончимъ съ ними». Народъ, услыхавши это, бросился къ Ѳеодоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ князь Владимиръ: «братъ мой не велѣлъ вамъ это дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко, пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ». Кіевляне отвѣчали ему—«мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ». Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь тысяцкій, и Рагуйло, Владимировъ тысяцкій; но они никого не послушали и съ воплемъ кинулись на убійство. Тогда князь Владимиръ сѣлъ на коня и погналъ къ Ѳеодоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ проѣхать за толпами народа, и поворотилъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставилъ его потерять время,— Кіевляне пришли прежде него въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни, и потащили съ криками

«Побейте, побейте!» Въ монастырскихъ воротахъ встрѣтился имъ Владимиръ; Игорь, увидавъ его, спросилъ: «охъ, братъ, куда это меня ведутъ?» Владимиръ бросился съ лошади и одѣлъ Игоря своимъ корзномъ, (верхней одеждой) уговаривая Кіевлянъ: «братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря». Но толпа не слушала и начала бить Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владимира, который держался близко послѣдняго, защищая его. Владимиру однако съ помощью боярина Михаила удалось ввести Игоря во дворъ своей матери и затворить за собою ворота. Но толпа, избивши Михаила, оторвавши на немъ крестъ съ цѣпями, выломала ворота и, увидавши Игоря на сѣняхъ, разбила сѣни, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащили съ Мстиславова двора, чрезъ Бабинъ торжокъ на княжъ дворъ, и тамъ его прикончили; отсюда положили на дровни, повезли на Подолъ и бросили на торгу.» (Соловьевъ. Исторія кн. I стр. 404—406).

Предъ нами два вѣча, слѣдующія одно за другимъ.

Какъ видимъ, первое вѣче носитъ мирный спокойный характеръ. Второе, наоборотъ, страстный, бурный и кончается звѣрскимъ убійствомъ. Первое вѣче—это діалогъ между княземъ и народомъ; діалогъ вполнѣ дружественный, несмотря даже на отказъ со стороны народа князю въ помощи. Двѣ стороны сошлись, переговорили и мирно разошлись. Такой видъ вѣчевыхъ собраній довольно обычный и распространенный, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ. Иногда другой стороной яляется вмѣсто князя посадникъ или народъ другого города, какъ во время осады г. Путивля въ 1146 году, или наконецъ частное лицо, обращающееся къ вѣчу.

Конечно, въ изображеніи книжника-лѣтописца, вѣче, такъ сказать, облагорожено. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, народъ отвѣчалъ князю въ шумныхъ, безпорядочныхъ выраженіяхъ.

Во второмъ вѣчѣ крупною особенностью является

выступленіе оратора изъ народной среды. Очень рѣдкій случай. Чаще въ качествѣ такихъ ораторовъ выступаютъ представители высшаго класса, такъ сказать, ведущіе вѣче, какъ это замѣтно въ вѣчѣ, созванномъ Владимиромъ св. по поводу перемѣны вѣры. Тогда народъ обыкновенно ограничиваетъ свое участіе односложнымъ «да» или «нѣтъ».

Ни на томъ, ни на другомъ вѣчѣ незамѣтно предсѣдательствованія, руководительства и даже нѣкоторая правильность преній въ концѣ второго вѣча нарушается послѣ исторической справки оратора и предложенія убить Игоря. Народъ срывается съ мѣста, бѣжитъ за Игоремъ и умерщвляетъ его. Такимъ образомъ вѣче моментально перенесено съ кіевской площади въ Ѳедоровскій монастырь, и рѣшеніе вѣчевого собранія тутъ же приводится въ исполненіе. На современный взглядъ это представляется страннымъ — конецъ совсѣмъ не вяжется съ началомъ. Первое вполнѣ похоже на законное собраніе, даже для нашего времени, второе скорѣе самосудъ, возможный въ наши дни только для невѣжественной массы, толпы. Однако для того грубаго времени тутъ нѣтъ никакихъ противорѣчій и странностей. Конецъ вѣча также правомѣренъ, какъ и начало. Это обычный способъ исполненія приговора вѣча о наказаніи «потокомъ и разграбленіемъ» (конфискація) и «лишеніемъ живота» (смертная казнь). Смѣшеніе двухъ моментовъ вѣча — постановленія рѣшенія и исполненія его, тоже обычное явленіе. Самъ народъ плохо различалъ эти моменты, а руководители вѣча не находили подъ собой почвы для разграниченія понятій.

Такимъ образомъ и самыя вѣчевыя собранія носятъ на себѣ знакомыя уже намъ черты неопредѣленности и случайности. Это собранія народа на открытомъ воздухѣ по собственному почину или по зову кого либо изъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ, на которыхъ онъ безъ предсѣдателя-руководителя и безъ правильныхъ преній, обсуждаетъ дѣла, а иногда тутъ же приводитъ въ испол-

неніе свои постановленія.

При постановленіи коллективныхъ рѣшеній необходимо правильное голосованіе. Однако на вѣчахъ незамѣтно не только правильнаго, но вообще какого либо голосованія. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ (напримѣръ на земскихъ соборахъ) обычай требовалъ единогласнаго рѣшенія «одиначества», какъ говорили тогда. Подъ «одиначествомъ» разумѣется не согласіе всѣхъ, а окончательное рѣшеніе, при которомъ несогласные принуждены къ согласію, или не приняты въ разсчетъ. Въ Новгородѣ очень часто бывало, что при раздѣленіи мнѣній, несогласныхъ принуждали къ согласію силой, кулаками, а упорныхъ даже сбрасывали черезъ мостъ въ Волховъ. Это понятно. Разъ нѣтъ рѣшенія по большинству голосовъ, то рѣшеніе должно быть единогласнымъ или, по крайней мѣрѣ, какая-нибудь сторона должна уступить—меньшинство ли большинству или обратно—и рѣшеніе такимъ образомъ получитъ видъ единогласнаго, «одиначества». Такого, какъ бы мы теперь сказали, фиктивнаго «одиначества», единогласія въ сущности и добивалось вѣче. Реальное, дѣйствительное единогласіе могло быть, конечно, очень рѣдко. Между тѣмъ лѣтопись, разсказывая о вѣчевыхъ рѣшеніяхъ всегда говоритъ «*вси* людіе», «*вси* кіяне рѣша», «*вси* быша *единодушно*» или «и новгородцы отвѣчали *едиными* устами, цѣловали крестъ *съ одного*»...— и одиначество называетъ торжествомъ Бога надъ дьяволомъ. «И возвеличенъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть — говоритъ новгородская лѣтопись о разрѣшеніи одного вѣчевого размирья (ссоры, разногласія). На той же точкѣ зрѣнія «одиначества», солидарности стоятъ и рѣшенія вѣча, записанныя на бумагѣ. Напримѣръ, договорная грамота Новгорода съ княземъ Ярославомъ 1265 года составлена—«по благословенію владыки, поклону отъ посадника... и отъ тысяцкаго... и отъ *всего Новагорода* и отъ *всѣхъ старѣйшихъ*, и отъ *всѣхъ меньшихъ* къ князю Ярославу»...

Какъ добивались «одиначества» (фиктивнаго), хорошо

видно на примѣрѣ изъ новгородской вѣчевой практики. Въ 1218 г. въ Новгородѣ произошло волненіе изъ-за посадника Твердислава. Изъ пяти концовъ (Новгородъ дѣлился на 5 концовъ, нѣчто вродѣ теперешнихъ городскихъ кварталовъ или участковъ) только одинъ принялъ сторону посадника, да одна улица другого, одинъ конецъ занялъ нейтральное положеніе, а три конца безъ одной улицы были противъ Твердислава. Такимъ образомъ образовалось три партіи, изъ которыхъ каждая собрала свое вѣче, партія противниковъ Твердислава даже два вѣча. Страсти разгорѣлись, и дѣло дошло до рукопашной, съ той и другой стороны были раненые и убитые. Раздоръ продолжался цѣлую недѣлю, цѣлую недѣлю собирались вѣча, пока наконецъ «не былъ, по выраженію лѣтописца, попранъ Богомъ дьяволъ, крестъ возвеличенъ—и сыдошася братья вкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша». Любопытно при этомъ, что верхъ взяло меньшинство—Твердиславъ остался въ посадникахъ — т. е. «одиначество» въ данномъ случаѣ есть замаскированное мнѣніе меньшинства.

Извѣстны случаи, когда противоположное мнѣніе не принимается въ разсчетъ. Въ 1016 году во время борьбы Ярослава Владимировича съ Святополкомъ, новгородцы, державшіе сторону Ярослава, рѣшили, переправившись черезъ Днѣпръ, напасть на Святополка. «На утро переведемся на него—сказали они. А кто не пойдетъ съ нами—потащимъ», т. е. мнѣніе нежелающихъ не принято въ разсчетъ: ихъ заставятъ пойти.

Изъ приведеннаго сейчасъ случая съ Твердиславомъ можно заключить, что вѣче иногда распадалось на партіи, вступавшія въ страстную борьбу между собой. Такія партіи существовали всюду, во всѣхъ областяхъ Руси, но особенно богата политической борьбой новгородская исторія. Какъ всегда партіи группируются около какой-ни-

будь личности. Въ волненіе 1218 г. въ Новгородѣ борьба сосредоточилась около посадника Твердислава. Обыкновенно же центромъ политическихъ партій являлись князья. Какъ князья нуждались въ столахъ (престолахъ) и слѣдовательно въ народѣ, такъ и народъ по тѣмъ временамъ, часто нуждался въ князьяхъ. На этой почвѣ сталкивались интересы обѣихъ сторонъ, интересы различныхъ князей, и завязывалась борьба, раздѣлявшая вѣчниковъ на партіи. «Пріятели», какъ характерно называетъ лѣтопись представителей княжескихъ партій, въ ожиданіи будущихъ благъ поддерживали своего князя всѣми средствами. Нерѣдко въ ходъ пускались подкупъ, агитація и даже прямыя насилія. Изъ знаменитаго дѣла князя Патрикія въ Новгородѣ мы знаемъ, что онъ склонилъ на свою сторону славенскій конецъ «посуломъ».

Отдѣльныя личности (князья, посадники) были центрами, около которыхъ группировались политическія партіи, и при помощи которыхъ онѣ осуществляли свои, такъ сказать, программы. Почвой же, питавшей политическую борьбу и раздѣлявшей населеніе на партіи, служили соціально-экономическія отношенія, примѣнительно къ которымъ самыя партіи могутъ быть, сведены къ двумъ основнымъ: аристократической и демократической. По крайней мѣрѣ въ Новгородѣ эти двѣ партіи, измѣняя только свой составъ и программы, существовали все время до самаго момента паденія. Путемъ политической борьбы «демократовъ» съ «аристократами», вырабатывалась новгородская вольность и сдѣланы были очень важныя ограниченія княжеской власти въ Новгородѣ. Напримѣръ, послѣ торжества демократической партіи въ первой половинѣ XII вѣка у князя было отнято право торговаго суда (разбирательство тяжбъ и недоразумѣній между торговыми людьми), и судъ переданъ купечеству. Такимъ же образомъ въ XIII в. князь лишился права «проѣзжаго суда», т. е. права рѣшенія всѣхъ судебныхъ дѣлъ при объѣздѣ волости, минуя областныхъ судей. Въ результатѣ же поли-

тической борьбы, послѣ побѣды аристократической партіи въ XIV вѣкѣ явилось постановленіе вѣча «судить владыкѣ Алексѣю по номоканону» (сборнику церковныхъ законовъ) самостоятельно безъ всякаго участія московскаго митрополита, какъ это было до сихъ поръ.

Въ южно-русскихъ княжествахъ ходъ политической борьбы и группировка партій не представляются въ такомъ отчетливомъ видѣ, какъ въ Новгородѣ. Но несомнѣнно и здѣсь кипѣла часто жестокая борьба политическихъ партій, которыя тоже вращались около князей и рознились по своимъ соціально-экономическимъ интересамъ.

Какой иногда страстный и буйный характеръ принимала политическая борьба подъ вліяніемъ соціально-экономической розни, хорошо видно изъ слѣдующей сцены, лучше сказать, ряда сценъ, разыгравшихся на улицахъ Новгорода въ 1418 году.

Какой-то Степанка схватилъ боярина Данила Ивановича Божина и сталъ кричать народу — «помогите мнѣ расправиться съ этимъ злодѣемъ». Этого было достаточно, чтобы народъ кинулся на «злодѣя» и, избивъ его до полусмерти, сбросилъ съ моста. Къ счастью для пострадавшаго плывшій въ лодкѣ рыбакъ, спасъ его и тѣмъ самымъ привелъ въ ярость толпу. На Ярославовомъ дворѣ зазвонили въ колоколъ на вѣче. Собралась огромная толпа, которая кричала—«идемъ на этого боярина, разграбимъ его домъ» И съ оружіемъ и знаменемъ въ рукахъ ринулась на Козьмодемьяновскую улицу, приводить въ исполненіе свое рѣшеніе. Вмѣстѣ съ домомъ боярина Данилы были страшно разграблены многіе дома другихъ бояръ. Изъ страха передъ разъяренной толпой, рѣшили выдать виновника—боярина Данилу. Но это не успокоило народа. Грабежъ и насилія продолжались, распространяясь дальше, какъ пламя пожара. Отпоръ, данный толпѣ на Прусской улицѣ, подлилъ масла въ огонь. Толпа побѣжала на Торговую сторону съ крикомъ: — «Софійская сторона хочетъ итти на насъ и грабить наши дома». По всему городу за-

звонили въ колокола и съ обѣихъ сторонъ (Софійской и Торговой) съ оружіемъ стали сбѣгаться люди къ великому мосту. Произошла страшная свалка и рѣзня, мертвые валились, какъ на битвѣ. Тогда въ дѣло вмѣшался владыка, который въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, въ сопровожденіи духовенства отправился на это «поле брани» и усмирилъ наконецъ возстаніе. Степанка, очевидно, принадлежалъ къ народной партіи и потому нашелъ себѣ поддержку въ толпѣ, кончившуюся народнымъ бунтомъ.

Соціально-экономической рознью пользовались какъ отдѣльныя лица (въ родѣ князей и посадниковъ), такъ и высшіе слои общества и путемъ подкупа формировали изъ черни цѣлые кадры вѣчниковъ (участниковъ вѣчевыхъ собраній, сдѣлавшихъ посѣщеніе вѣчъ своимъ постояннымъ занятіемъ), на манеръ клакеровъ или итальянскихъ bravi (молодцевъ), готовыхъ на все. Это страшное зло очень хорошо отмѣтилъ митрополитъ Іона въ посланіи къ новгородцамъ. «Мы узнали, что въ вашемъ православномъ христіанствѣ—говоритъ онъ—въ Великомъ Новгородѣ въ вотчинѣ моего сына, великаго князя, сотворяется нѣкое богоненавистное и богоотмѣтное дѣло не только отъ простыхъ людей, но отъ честныхъ великихъ людей — отъ нашихъ духовныхъ дѣтей. Изъ-за какой-нибудь малой вещи зачинается гнѣвъ и ярость, и свары и лжесловія и многонародное сборище съ обѣихъ сторонъ, угождая врагу дьяволу *нанимаютъ* на такое злое и богоненавистное дѣло *сбродней, пьянчивыхъ* и *кровопрожадныхъ людей*, *замышляютъ бои* и *кровопролитія* и *губятъ христіанскія души*». Эти «пьянчивыя и кровопрожадные» или, какъ ихъ называетъ Воскресенская лѣтопись, «безыменитые мужики, иже скотомъ подобны суть», являлись на вѣче съ крикомъ и шумомъ, заглушали голоса говорившихъ къ народу князя или митрополита или еще кого-либо изъ ораторовъ, поднимались на властей, лишали ихъ должностей (напримѣръ, въ 1332 году такіе вѣчники въ Новгородѣ подняли народъ, отняли посадничество у нѣкоего Ѳе-

дора и дали Захаріи Михайловичу, ограбили села и дворы его сторонниковъ). Въ пылу партійныхъ, раздоровъ доходили даже до измѣны. Напримѣръ въ Смоленскѣ была литовская партія, въ Псковѣ нѣмецкая, въ Новгородѣ тоже литовская, образовавшіяся въ связи съ соперничествомъ между московскимъ и литовскимъ князьями.

Рѣшеніе вѣча, подобно рѣшеніямъ другихъ древнерусскихъ учрежденій, называлось приговоромъ.

Изъ обстановки вѣчевыхъ собраній, поскольку она выяснилась для читателя изъ предшествующаго, можно заключить, что приговоры вѣча обыкновенно были устные—воля народа для всѣхъ была ясна, тѣмъ болѣе, что нерѣдко за рѣшеніемъ слѣдовало и самое исполненіе. Однако бывали случаи, когда нельзя было ограничиться устнымъ приговоромъ, и приговоръ записывался. Древнѣйшимъ памятникомъ вѣчевыхъ рѣшеній, записанныхъ и оформленныхъ, надо считать торговые договоры Олега и Игоря съ греками, которые, какъ мы уже знаемъ, были заключены на вѣчѣ. Такими же памятниками являются извѣстные законодательные акты вѣча—Псковская и Новгородская судныя грамоты и различныя жалованныя и данныя грамоты, дававшіяся на новгородскомъ и псковскомъ вѣчахъ монастырямъ и частнымъ лицамъ (на землю, на промыслы и т. д.). Наиболѣе же распространеннымъ видомъ письменныхъ вѣчевыхъ рѣшеній были, по всей вѣроятности, «ряды», договоры вѣча съ княземъ. Подлинные договоры, дошедшіе до насъ, всѣ относятся къ Новгороду, изъ нихъ древнѣйшій 1265 года. Однако, въ Новгородѣ, несомнѣнно, заключеніе письменныхъ договоровъ вѣча съ князьями существовало гораздо раньше, издавна. Еще Ярославъ Мудрый далъ Новгороду грамоту, и съ тѣхъ поръ грамоты послѣдующихъ князей ссылаются на Ярославову грамоту. Правда, до насъ дошли новгородскія договорныя грамоты не ранѣе XIII в., но разъ въ нихъ есть ссылка на Ярославову грамоту и на «уставы старыхъ князей», то, очевидно, традиція не прерывалась, письменные договоры существовали все время

съ Ярослава.

Что касается другихъ областей, то подлинныхъ договоровъ съ князьями до насъ не дошло, а древнѣйшее указаніе о такихъ договорахъ относится къ 1175 году—о владимирцахъ, которые, выбравъ себѣ князя, «въ святой Богородицѣ весь порядъ (договоръ) положили, т. е. очевидно послѣ вѣча, происходившаго на церковной площади, отправились въ храмъ и здѣсь заключили договоръ передъ святыней. Вообще же лѣтопись очень часто говоритъ о рядѣ вѣчъ съ князьями, не указывая на запись ихъ. Возможно, что договоръ не всегда записывался, возможно и то, что лѣтописецъ не всегда считаетъ нужнымъ упомянуть о записи. . На самыхъ договорахъ мы остановимся послѣ.

Для письменныхъ рѣшеній существовала вѣчевая канцелярія (изба) съ вѣчнымъ секретаремъ (дьякомъ). Къ грамотѣ прикладывалась свинцовая печать со шнурками—по крайней мѣрѣ такъ было въ Новгородѣ. На договорныхъ новгородскихъ грамотахъ имѣлась надпись «печать Великаго Новгорода»—внѣшняя прерогатива власти *).

Въ лѣтописяхъ часто упоминается о крестоцѣлованіи на вѣчѣ... «они же (тверичи) цѣловали между собою крестъ и сидѣли въ осадѣ»... «рязанцы цѣловали крестъ Всеволоду». На кіевскомъ вѣчѣ 1146 года (см. ниже) цѣлуютъ крестъ на вѣчѣ князь Игорь и кіевляне. Это присяга, которою скрѣплялось вѣчевое рѣшеніе. Присягой скрѣплялось рѣшеніе не только двустороннее, т. е. которое заключалось двумя сторонами, напримѣръ, княземъ и народомъ, какъ договоръ, но и всякое другое, какъ порука въ его

*) Для иллюстраціи вѣчевой дѣятельности очень часто приходится обращаться къ Новгороду потому, что новгородская исторія оставила больше свѣдѣній о ней. Это объясняется болѣе долгимъ существованіемъ здѣсь вѣчевыхъ порядковъ и большею выработанностью формальной стороны вѣчевой дѣятельности. Послѣ мы увидимъ, что новгородское вѣче имѣло существенныя особенности сравнительно съ вѣчами остальныхъ городовъ. Но за вычетомъ этихъ особенностей свѣдѣніями изъ новгородской исторіи можно пользоваться для характеристики вообще вѣчевого быта древней Руси.

исполненіи—тверичи цѣловали крестъ сидѣть въ осадѣ «межъ себя». Чаще всего присяга упоминается при избраніи князей.

Чтобы покончить съ порядкомъ вѣчевыхъ собраній, внѣшней стороной вѣчевой дѣятельности, надо еще сказать объ исполненіи приговоровъ вѣча.

Современное право требуетъ строгаго разграниченія властей—власти, дѣлающей постановленіе, отъ власти, приводящей въ исполненіе постановленіе. Въ то время, къ которому относится вѣче, трудно ожидать подобной точности. Мы уже видѣли, что иногда вѣче, рѣшающее моментально, становилось вѣчемъ исполняющимъ, рѣшеніе и исполненіе быстро слѣдовали одно за другимъ и дѣлались однимъ и тѣмъ же органомъ. Понятно, такой порядокъ очень далекъ отъ совершенства. Вслѣдствіе страстности и впечатлительности народной массы быстрота рѣшенія приводила къ необдуманнымъ и прямо несчастнымъ поступкамъ, которые послѣ нельзя было исправить (случаи смертной казни и конфискаціи). Однако не всегда постановленія вѣча имъ же приводились въ исполненіе. Исполнителемъ вѣчевыхъ рѣшеній бывали и другіе органы власти. (Князь, посадникъ).

Въ Новгородѣ, гдѣ компетенція вѣча была шире и регламентирована точнѣй, естественными исполнителями вѣчевыхъ рѣшеній кромѣ князя, были всѣ выборныя должностныя лица, какъ посадникъ, тысяцкій, военачальникъ, владыка. Разъ вѣче объявляетъ войну, и князь, какъ военачальникъ, идетъ въ походъ, то онъ исполнитель вѣчевого рѣшенія. Такими же исполнителями воли вѣча, объявившаго войну, могли быть и тысяцкій и посадникъ, принявъ предводительство войскомъ. Въ церковныхъ дѣлахъ (напримѣръ, постройка церквей по рѣшенію вѣча) исполнителемъ вѣчевого рѣшенія могъ быть владыка. И вообще всѣ должностныя лица, которыя дѣлали что-либо именемъ вѣча по уполномочію его (судьи, сборщики податей, надсмотрщики за торговлей, монетой и т. д.), въ силу этого являлись исполнителями его рѣшенія, творили волю народа.

IV.

Компетенція вѣча. Вѣче и князь. Происхожденіе княжеской власти и положеніе первыхъ князей на Руси. Избраніе князя и договоръ съ нимъ. Избирательное вѣче 1146 года. Авторитетъ княжеской власти и авторитетъ вѣча. Кругъ дѣлъ, вѣдавшихся вѣчемъ. „Ряды" вѣча съ княземъ. Новгородскій князь и новгородское вѣче. Автономія Новгорода. Непосредственная республика и вѣчевая монархія.

Вопросъ о компетенціи вѣча, кругъ дѣлъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію, есть центральный въ исторіи вѣча. Объемомъ компетенціи вѣча, какъ и всякаго вообще учрежденія, опредѣляется его политическій вѣсъ, авторитетъ, какъ органа власти. Но въ то же время это и очень трудный вопросъ.

Огромное значеніе вѣча въ политической жизни древней Руси, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, какъ и широкій кругъ, вѣдавшихся имъ дѣлъ. Но на ряду съ вѣчемъ въ этотъ періодъ русской исторіи стоитъ князь, который тоже принимаетъ дѣятельное участіе въ политической жизни страны. Мы видимъ его во главѣ войска, въ качествѣ законодателя (Владиміръ св., Ярославъ, Владиміръ Мономахъ), правителя, судьи и т. д., т. е. князь отправляетъ функціи совершенно аналогичныя съ вѣчемъ и выходитъ, что направленіе политической жизни страны дается двумя органами—вѣчемъ и княземъ. Какъ же уживались рядомъ двѣ власти, какія между ними существовали отношенія. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ разрѣшеніе вопроса о компетенціи вѣча. Посмотримъ сначала на положеніе князя.

Когда мы видимъ князя рядомъ съ вѣчемъ, то прежде всего задаемъ себѣ вопросъ, почему древней Руси, управлявшейся до прихода варяжскихъ князей при помощи вѣча, понадобилась княжеская власть. А, если уже понадобилась

такая власть, то почему ее не нашли у себя, на мѣстѣ, а снарядили за ней извѣстное посольство за море. По разсказу лѣтописца «призваніе» варяжскихъ князей состоялось для установленія на Руси «наряда», внутренняго, и внѣшняго, т. е. установленія порядка внутри страны и охраны ея предѣловъ отъ внѣшнихъ враговъ. Послѣдній мотивъ вполнѣ понятенъ. Военное дѣло, (а Русь того времени, опустошаемая кочевниками, очень нуждалась въ хорошей военной организаціи) требуетъ единоличной власти и при томъ опытной въ этомъ исскусствѣ. Варяжскіе князья какъ разъ славились своимъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ. Это были прирожденныя вояки, отважныя авантюристы. И въ этомъ смыслѣ они были не только полезны, но прямо необходимы Руси. Что касается внутренняго наряда, то вѣче, само, какъ громоздкое и совсѣмъ не организованное учрежденіе, не могло дѣйствовать постепенно изо дня въ день, вѣдать, такъ сказать, текущія дѣла по управленію и суду. Для этого нуженъ органъ болѣе эластичный и организованный, дисциплинированный, какимъ несомнѣнно была княжеская власть. Такимъ образомъ и второй мотивъ призванія князей—для внутренняго наряда—самъ по себѣ вполнѣ понятенъ.

Но, почему не воспользовались для обѣихъ цѣлей мѣстными силами, не обошлись собственными средствами?

Мѣстныя силы были въ лицѣ племенныхъ князей, въ родѣ древлянскаго князя Мала. Но племенные князья съ приходомъ варяжскихъ князей, отступили на задній планъ и постепенно совсѣмъ исчезли. Какъ же это произошло, почему варяжскіе князья оттѣснили мѣстныхъ племенныхъ князей? Дать на это совершенно безспорный отвѣтъ трудно. Вопросъ о появленіи варяжскихъ князей на Руси очень темный и до сихъ поръ совершенно не рѣшенный наукой вопросъ. Во всякомъ случаѣ къ извѣстію лѣтописи о добровольномъ призваніи князей новгородцами совмѣстно съ другими племенами надо относиться съ большею осторожностью.

Разсказъ самой же лѣтописи о событіяхъ, слѣдовавшихъ за «призваніемъ» князей, носитъ черты завоеванія, покоренія. Во первыхъ, кромѣ княжествъ образованныхъ «призванными» тремя братьями—Рюрикомъ въ Новгородѣ, Синеусомъ на Бѣлоозерѣ и Труворомъ въ Изборскѣ, лѣтопись упоминаетъ о княжествахъ Аскольда въ Кіевѣ, Рогволода въ Полоцкѣ и др., образовавшихся послѣ «призванія» и при томъ по собственной иниціативѣ этихъ варяжскихъ князей, а не по призванію. Затѣмъ о появившихся на Руси варяжскихъ князьяхъ говорится, что они распространяли предѣлы своихъ княжествъ силой оружія—покоряли сосѣднія племена славянскія и другія и налагали на нихъ дань. Наконецъ, есть извѣстіе, что одинъ изъ «призванныхъ» князей Рюрикъ вскорѣ же послѣ «призванія» долженъ былъ оружіемъ подавлять вспыхнувшее противъ него возстаніе новгородцевъ, а его сородичъ Олегъ ушелъ съ сѣвера на югъ — промышлять о себѣ... Такой ходъ событій скорѣе подтверждаетъ догадку о покореніи славянскихъ племенъ варяжскими князьями, чѣмъ извѣстіе лѣтописи о призваніи послѣднихъ первыми.

Тогда самъ собою падаетъ вопросъ, почему военное и гражданское дѣло перешло изъ рукъ туземныхъ князей въ руки пришлыхъ.

Но, оттѣснивъ племенныхъ князей, варяжскіе князья сами не получили преобладающаго значенія. Племенные князья все-таки продолжали существовать даже до такого сравнительно поздняго времени, какъ XII вѣкъ (князь Ходота у вятичей), и кромѣ того оставался въ полной силѣ вѣчевой порядокъ. Объясняется это какъ самымъ происхожденіемъ княжеской власти, такъ и условіями первоначальной правительственной дѣятельности князей. И то и другое скорѣе вело къ ослабленію, чѣмъ къ увеличенію авторитета княжеской власти.

Первые князья были иноземцы, пришлецы, а не туземцы. Придя на Русь изъ за моря и покоривъ нѣкоторыя славянскія племена силой оружія и наложеніемъ дани,

они стали къ туземному населенію въ довольно отдаленныя отношенія. Хотя ихъ главной задачей было установленіе порядка, однако на самомъ дѣлѣ, они свели свою правительственную дѣятельность, по преимуществу къ сбору дани. Они до такой степени увлеклись этой функціей, что на первыхъ же порахъ вооружили противъ себя населеніе. Противъ Рюрика, напримѣръ, въ Новгородѣ вспыхнуло возстаніе, поднятое какимъ-то Вадимомъ. А Игорь за ревностное отправленіе той-же функціи поплатился жизнью. Сынъ его Святославъ до того зарвался въ своемъ любостяжаніи, что забылъ объ охранѣ русской земли, и Кіевъ, въ его отсутствіе едва не достался печенѣгамъ. Мало того онъ рѣшилъ даже оставить Русь ради Болгарской земли на томъ основаніи, что послѣдняя занимаетъ выгодное срединное положеніе и туда «вся благая сходятся» (золото, шелкъ, вина и т. д.). Понятно при такомъ отношеніи князей къ населенію, авторитетъ ихъ власти не могъ стоять высоко, и на первый планъ для защиты народныхъ интересовъ долженъ былъ выступить самъ народъ. Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Древляне, напримѣръ, на народномъ собраніи (вѣчѣ) рѣшаютъ убить Игоря, убиваютъ его и на народномъ же собраніи посылаютъ пословъ къ Ольгѣ, т. е. народъ распоряжается самостоятельно своими дѣлами, несмотря на то, что надъ нимъ стоитъ власть русскаго князя. На вѣчѣ древляне говорятъ, «возьмемъ Святослава (сына Игоря) и сдѣлаемъ съ нимъ, что *хочемъ*». Въ Кіевѣ народъ послѣ набѣга печенѣговъ, едва не захватившихъ Кіева, въ энергичныхъ выраженіяхъ напоминаетъ Святославу объ его обязанностяхъ — «ты князь чужой земли (Болгарской) ищешь и блюдешь, а своей пренебрегъ». Уходъ Олега изъ Новгорода на югъ, въ Кіевъ, повидимому объясняется тоже неладами между княземъ и народомъ и шаткостью здѣсь княжеской власти. По крайней мѣрѣ, когда къ Святославу пришли новгородцы просить себѣ князя, онъ сказалъ: «да пойдетъ ли кто къ вамъ?» Настолько значитъ непривле-

кательно было здѣсь положеніе князя.

Итакъ князья смотрѣли на населеніе какъ на паству, которую надо стричь, а населеніе, паства, въ свою очередь смотрѣло на князей какъ на наемныхъ пастырей, кормленщиковъ, за которыми надо смотрѣть, какъ бы они не стали черезчуръ жирно кормиться.

Въ томъ же направленіи разъединенія населенія съ князьями и умаленія авторитета ихъ власти дѣйствовали междукняжескія отношенія и порядокъ престолонаслѣдія. Сначала, до Ярослава собственно не было никакого порядка въ этомъ отношеніи—князей было то нѣсколько, то одинъ и занимали они княжескіе столы безъ опредѣленныхъ основаній. Послѣ же Ярослава, согласно оставленному имъ завѣщанію дѣтямъ, установился такъ называемый порядокъ очередного владѣнія княжескими столами. Онъ состоялъ въ томъ, что князья занимали столы въ порядкѣ старшинства—лучшіе столы богатѣйшихъ областей занимались старшими въ родѣ, худшіе—младшими. Самый лучшій столъ—кіевскій, поэтому занимался самымъ старшимъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ наличныхъ князей происходили передвижки князей съ стола на столъ съ цѣлью уровнять измѣнившіяся между ними, вслѣдствіе смерти одного, отношенія. Основаніемъ для такихъ отношеній служило родство князей между собой. Они считались (а первое время послѣ смерти Ярослава и были дѣйствительно), какъ братья. Поэтому старшій въ родѣ былъ для нихъ «въ отца мѣстъ» и назывался великимъ. Русская земля разсматривалась какъ нераздѣльная собственность всего княжескаго рода, а отдѣльные князья являлись лишь временными держателями владѣльцами княжескихъ столовъ.

Эта двойная схема междукняжескихъ отношеній и управленія русской землей была обычаемъ, семейной традиціей князей Рюрикова дома и въ этомъ смыслѣ имѣла для нихъ обязательное отношеніе. Юридическаго же основанія она за собой не имѣла. Но и въ такомъ видѣ она была скорѣе въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. На прак-

тикѣ сами же князья порывали съ традиціей, нарушали требованія схемы. Вмѣсто правъ старшинства выступало на первый планъ право сильнаго, и младшій занималъ столъ лучше старшаго, младшій сгонялъ старшаго и садился на его мѣсто. Уже въ 1097 году, т. е. только черезъ 43 года послѣ смерти Ярослава, потребовался княжескій съѣздъ въ Любечѣ для разрѣшенія княжескихъ споровъ, на которомъ рѣшено было каждому владѣть столомъ его отца. Значитъ вмѣсто очередного владѣнія установлено наслѣдственное (отъ отца къ сыну), и вмѣсто семейной традиціи, Ярославова завѣщанія, поставлено княжеское соглашеніе, княжескій договоръ, какъ новая основа для урегулированія междукняжескихъ отношеній. Однако коррективъ семейной традиціи мало помогъ дѣлу. Договоръ плохо сдерживалъ центробѣжную силу въ князьяхъ. Едва успѣлъ разъѣхаться любецкій съѣздъ, какъ произошла новая *усобица* (ослѣпленіе кн. Василька) и потребовался опять съѣздъ въ *Витичевѣ* для наказанія виновниковъ и заключенія новаго договора.

Между тѣмъ число князей быстро увеличивалось, счеты перепутывались, о родственныхъ чувствахъ уже не могло быть рѣчи, и все больше стали выступать на первый планъ личныя доблести, умѣнье, сила, ловкость и сообразно съ этимъ распредѣляться княжескіе столы. Даже самъ иниціаторъ княжескихъ съѣздовъ и хранитель семейныхъ традицій Владимиръ Мономахъ занялъ кіевскій столъ вопреки любецкому постановленію, по избранію кіевлянъ. До такой степени идеалъ, къ которому стремились лучшіе князья, разошелся съ практикой, и обычай очередного владѣнія, не поддержанный потомствомъ Ярослава, рушился. Побороть эгоистическія стремленія князей, разлагавшія очередной порядокъ, оказались безсильны, какъ видимъ, даже княжескіе договоры, возникшіе въ помощь этому порядку.

То же произошло и съ идеей совмѣстнаго владѣнія русской землей—собственностью всего княжескаго рода. По этой идеѣ старшему въ родѣ принадлежало право рас-

предѣленія столовъ и наблюденіе за всѣми князьями. Въ дѣйствительности распредѣленіе столовъ очень часто происходило независимо отъ старшаго въ родѣ, а по волѣ народа, дѣлавшаго выборъ между князьями и сажавшаго ихъ на столы безъ всякаго вниманія къ ихъ родственнымъ счетамъ и правамъ. Такимъ образомъ вмѣсто господства одного строго опредѣленнаго порядка, существовали бокъ о бокъ нѣсколько различныхъ порядковъ. Княжескіе столы занимались всякими способами: и по старшинству, и по наслѣдству, и силой, удачей и народнымъ избраніемъ *).

Само собою разумѣется, что такая неопредѣленность, шаткость междукняжескаго обычнаго права вмѣстѣ съ вѣчными княжескими усобицами вела къ ослабленію авторитета княжеской власти и увеличенію авторитета народа, вѣча.

По тѣмъ же причинамъ, несмотря на то, что функціи князя сравнительно съ первымъ временемъ развились и опредѣлились, между нимъ и населеніемъ не могла установиться связь, какая обыкновенно устанавливается между правителемъ и управляемыми. Перемѣщеніе князей изъ города въ городъ всякій разъ разрывало эту едва устанавливавшуюся связь. Древне-русскіе князья въ кіевскій періодъ скорѣе случайные гости, чѣмъ коренные жители своей области, временные правители, чѣмъ постоянное правительство. Населеніе съ ними ничѣмъ не связано и они съ нимъ. Сегодня одинъ князь, а завтра другой—такъ не все-ли равно, какой изъ нихъ будетъ. А бывало иногда и такъ, что между однимъ и другимъ княземъ проходило значительное время безкняжія. Въ такомъ случаѣ являлась даже мысль, что можно и совсѣмъ безъ князя обойтись. Въ Новгородѣ въ 1270 году, когда князь ушелъ, такъ и говорили: «у насъ князь нѣтуть, но Богъ и правда и святая Софья», т. е. есть высшая правда, при которой можно обойтись и безъ князя. Наконецъ, хотя князь былъ органомъ государственной власти, однако въ основѣ и харак-

*) Иногда бывало по два князя одновременно на одномъ мѣстѣ.

терѣ его правительственной дѣятельности очень ярко выступалъ личный интересъ, нерѣдко совсѣмъ заслонявшій истинную цѣль всякой правительственной дѣятельности—общее благо, благо народа.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находился другой органъ государственной власти—народный, вѣче. Оно всегда было одно и то же и прочно по этому было связано съ землею, съ областью, представителемъ которой оно было. Какъ органъ народа вѣче по самому своему существу не могло преслѣдовать иныхъ интересовъ кромѣ народныхъ, общихъ. Вѣче—самъ народъ, сама земля. Понятно, такое учрежденіе должно стоять выше учрежденія, не связаннаго съ землей.

Очерченное нами взаимное положеніе вѣча и князя въ силу чисто фактическихъ условій, нашло себѣ юридическое основаніе въ избираемости княжеской власти и тѣхъ «рядахъ», договорахъ, которые народъ заключалъ съ избираемымъ княземъ.

Прежде чѣмъ говорить о княжескихъ договорахъ, возстановимъ по лѣтописи картину самаго избранія князя народомъ.

Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ избраніе князя въ Кіевѣ въ 1146 году. Въ моментъ разсказа на кіевскомъ столѣ сидѣлъ черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ. «Всеволодъ—повѣствуетъ лѣтописецъ—по пути въ Кіевъ разболѣлся и послалъ за братьями своими—Игоремъ и Святославомъ. Болѣзнь оказалась настолько сильной, что князь остановился, не доѣзжая Кіева, подъ Вышгородомъ на островѣ и отсюда позвалъ къ себѣ кіевлянъ.

— «Я очень боленъ—сказалъ онъ имъ—вотъ вамъ мой братъ Игорь, возьмите его (въ князья). Кіевляне отвѣчали ему: «князь, съ радостью возьмемъ его»—и пошли съ Игоремъ въ Кіевъ. Здѣсь Игорь созвалъ кіевлянъ на вѣче, на которомъ они цѣловали ему крестъ со словами: «ты намъ князь». На другой день Игорь поѣхалъ въ Вышгородъ, гдѣ вышгородцы тоже цѣловали ему крестъ.

На утро Всеволодъ преставился мѣсяца августа въ 1 день. Тѣло его убрали и положили у церкви св. мученика.

Игорь отправился въ Кіевъ и созвалъ всѣхъ кіевлянъ на гору, на Ярославовъ дворъ, гдѣ они цѣловали ему крестъ. Затѣмъ кіевляне (уже сами, безъ зова князя) собрались на вѣче у Туровой божницы и послали за Игоремъ, со словами: «князь, поѣзжай къ намъ». Игорь, взявъ брата своего Святослава, поѣхалъ къ нимъ и, остановившись съ дружиной, послалъ на вѣче брата Святослава для переговоровъ. Кіевляне, когда пріѣхалъ Святославъ, стали разсказывать ему о винѣ тіуна (судьи) князя Всеволода Ратьши и другого вышгородскаго тіуна Тудора—«Ратьша де погубилъ насъ кіевлянъ, а Тудоръ вышгородцевъ. Теперь, князь Святославъ, цѣлуй намъ крестъ съ братомъ своимъ, что, если кому изъ насъ будетъ обида, ты самъ будешь судить, а не тіунъ». Святославъ отвѣчалъ: «цѣлую вамъ крестъ съ братомъ своимъ, что никакого вамъ не будетъ насилья, и пусть вамъ будетъ тіунъ по вашей волѣ». Сойдя съ коня, Святославъ поцѣловалъ крестъ на этомъ передъ вѣчемъ. Кіевляне тоже, сойдя съ коней (и Святославъ и народъ сидѣли на коняхъ), присягнули князю. Они всѣ поцѣловали крестъ на томъ, чтобы не имѣть зла ни противъ Игоря, ни противъ Святослава. Тогда Святославъ взялъ лучшихъ мужей изъ кіевлянъ и поѣхалъ съ ними къ своему брату Игорю. «Братъ—сказалъ онъ ему—я цѣловалъ имъ крестъ въ томъ, что ты будешь имѣть ихъ въ правду и любить». Послѣ словъ Святослава Игорь сошелъ съ коня и передъ кіевлянами поцѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и волѣ брата. Затѣмъ князья поѣхали обѣдать».

Но Игорь не усидѣлъ въ Кіевѣ.

«Не угоденъ былъ Игорь кіевлянамъ, и послали они въ Переяславль къ Изяславу (князю изъ любимаго кіевлянами рода мономаховичей) съ приглашеніемъ. — «Иди, князь, къ намъ—хотимъ тебя». Изяславъ, взявъ молитву (помолившись) у епископа Еѳимія въ церкви св. Михаила

и собравъ войско, пошелъ вслѣдъ за посланными изъ Переяславля. Когда онъ подходилъ къ Дерновому, ему выслали встрѣчу черные клобуки (инородцы) и все Поросье. Бѣлогородцы и василевцы (жители кіевскихъ пригородовъ) тоже вышли на встрѣчу Изяславу, говоря: «иди, ты нашъ князь, пріѣзжай, Ольговичей (т. е. Игоря) не хочемъ». Къ этому мѣсту пріѣхали мужи отъ кіевлянъ и привѣтствовали Изяслава— «ты нашъ князь, пріѣзжай. Мы не хотимъ быть у Ольговичей собственностью, переходить отъ брата къ брату. Гдѣ увидимъ твой стягъ, тамъ и мы».

Игорь вздумалъ защищаться, но проигралъ битву и оставилъ Кіевъ, а Изяславъ торжественно въѣхалъ въ городъ и сѣлъ на прародительскомъ столѣ. «Пріятели» Игоря подверглись насиліямъ и разграбленію.

Въ этомъ въ сущности незначительномъ для цѣлаго періода русской исторіи эпизодѣ, отразилась вся схема взаимныхъ отношеній народа и князя.

Умирающій князь посылаетъ за братьями и предлагаетъ ихъ въ князья кіевлянамъ. Тѣ принимаютъ это предложеніе. Но такъ какъ здѣсь были не всѣ кіевляне, а только нѣкоторые, повидимому, такъ называемые лучшіе люди, черезъ которыхъ князья очень часто сносились съ народомъ, то подъ Угорскомъ собираются уже всѣ кіевляне и подтверждаютъ на вѣчѣ присягой согласіе, данное Всеволоду лучшими мужами. Тоже происходитъ въ Вышгородѣ.

Всеволодъ умираетъ, и Игорь прежде чѣмъ сѣсть на кіевскій столъ, сзываетъ вѣче, на которомъ кіевляне присягаютъ ему. Однако, дѣло этимъ не кончается. Кіевляне сходятся по собственной иниціативѣ на вѣче, въ другомъ мѣстѣ и требуютъ къ себѣ князя, чтобы поставить ему нѣкоторыя условія. Для переговоровъ именемъ Игоря пріѣзжаетъ его братъ, съ которымъ кіевляне и заключаютъ договоръ.

Обѣ стороны скрѣпляютъ договоръ присягой, послѣ

чего отправляются въ качествѣ депутатовъ лучшіе мужи отъ кіевлянъ и кончаютъ дѣло уже съ самимъ Игоремъ. Игорь наконецъ садится на кіевскій столъ «на всей ихъ волѣ и волѣ брата».

Но вопреки крестному цѣлованію кіевляне черезъ нѣкоторое время приглашаютъ на кіевскій столъ другого князя—Изяслава, а Игорь принужденъ оставить Кіевъ. Такая развязка дѣлаетъ вполнѣ понятной ту осторожность, съ которой Игорь садится на кіевскій столъ. Онъ сначала заручается присягой кіевлянъ еще при жизни Всеволода, нѣсколько разъ созываетъ для этого вѣче; послѣ смерти Всеволода опять созываетъ вѣче съ тою же цѣлью. Когда же кіевляне зовутъ Игоря на вѣче, онъ самъ не идетъ, а посылаетъ брата, стоя по близости съ дружиной. Онъ какъ бы нащупываетъ почву. Осторожность его граничитъ съ трусостью, говоритъ о его неувѣренности. Здѣсь еще дѣло можно объяснить нелюбовью кіевлянъ къ Ольговичамъ. Ольговичъ не могъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія. Но случай съ Игоремъ не единственный въ кіевскій періодъ; ему подобныхъ можно найти еще немало. Изяслава въ 1068 году за отказъ итти на половцевъ кіевляне прямо-таки выгнали. Въ этомъ видна вообще зависимость князей отъ народа, зависимость занятія и прочности княжескихъ столовъ отъ воли народа. Въ нашемъ примѣрѣ кіевляне были связаны съ Игоремъ двойной присягой—брату его Всеволоду и самому ему и однако отступились отъ него. Очевидно для нихъ *suprema lex*—*voluntas populi* (высшій законъ—воля народа). Эту мысль отлично выразили владимирцы въ обращеніи къ Ярополку Ростиславовичу—«мы есмы *вольная* князя пріяли себѣ», т. е. мы вольны въ князьяхъ: хорошъ, угоденъ—сиди, нѣтъ—путь тебѣ чистъ, пошелъ вонъ. Ростовцы, приглашая себѣ послѣ смерти Михалки Мстислава Ростиславовича, говорятъ ему: «иди князь, къ намъ. Михалку Богъ взялъ на Волгѣ въ Городцѣ, а мы *хочемъ тебя,* а *иного не хочемъ*. Въ томъ и другомъ смыслѣ ясно выступаетъ воля народа, какъ

опредѣляющій факторъ при замѣщеніи княжескихъ столовъ и при томъ сознаваемая самимъ народомъ.

Любопытно, что право это не только не отрицается, но даже прямо признается за народомъ князьями—въ теоріи. Во время борьбы между ростовскимъ княземъ Мстиславомъ Ростиславичемъ и владимирскимъ Всеволодомъ (1177 г.), послѣдній говоритъ первому: «Братъ, если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ помиримся. Тебя ростовцы привели (избрали) и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ и владимирцы и переяславцы, а въ Суздалѣ, кого *захотятъ*, тотъ и будетъ имъ князь (изъ двухъ братьевъ)», т. е. не силой пусть будетъ рѣшенъ вопросъ о князѣ, а волей народа — суздальцевъ. Мстиславъ въ 1215 году говорилъ новгородскому вѣчу—«вы *вольны* въ князьяхъ».

На практикѣ же это сводится къ тому, что князья «утверждаются» по древне-русскому выраженію, договариваются съ народомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда занимаютъ столъ благодаря личной удачѣ, оружіемъ. Что ихъ заставляетъ это дѣлать? Несомнѣнно только желаніе обезпечить себѣ прочное положеніе на столѣ. Князь Володарь Глѣбовичъ Городенскій въ 1167 г. вошелъ въ городъ Полоцкъ побѣдителемъ, разбивъ полоцкаго князя Всеслава, вышедшаго ему навстрѣчу съ полочанами. И однако, по словамъ лѣтописи, онъ «цѣловалъ крестъ съ полочанами», т. е. уговорился, урядился съ ними. То же дѣлаетъ князь владимиро-волынскій Романъ Мстиславовичъ. Послѣ побѣды надъ Галичемъ, не желавшимъ его видѣть у себя княземъ, онъ тѣмъ не менѣе «цѣловалъ крестъ (галичанамъ) любить ихъ и никого не обидѣть».

Князь Ростиславъ въ 1154 году даже поплатился за свою безпечность въ этомъ отношеніи. Окружающіе его мужи говорили ему послѣ избранія на кіевскій столъ — «Богъ взялъ твоего родственника Вячеслава, а ты еще съ людьми (народомъ, вѣчемъ) въ Кіевѣ не утвердился. Поѣзжай лучше въ Кіевъ и утвердись тамъ съ людьми». Мужи опа-

сались, какъ бы кіевскій столъ безъ утвержденія не ускользнулъ отъ Ростислава. Но Ростиславъ не послушался совѣта опытныхъ мужей, пошелъ сначала въ походъ противъ своихъ соперниковъ, былъ разбитъ и лишился Кіева.

И такъ княжеская власть имѣла своимъ источникомъ въ концѣ концовъ народное избраніе—въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. призваніе князя и опредѣленіе условій его княженія (вплоть до ограниченія его власти, какъ это было въ Новгородѣ) и узкомъ, т. е. признаніе народомъ его правъ на княженіе, санкціонированіе занятія имъ стола—актомъ крестоцѣлованія или молчаливымъ согласіемъ (какъ это часто бывало, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ).

Въ первомъ случаѣ князь занималъ столъ исключительно сообразно съ земскими интересами, интересами призывавшей его земли, представителемъ которыхъ было вѣче. Во второмъ, онъ могъ занимать столъ даже руководствуясь, такъ сказать, кодексомъ междукняжескихъ отношеній (родствомъ, семейной традиціей, наслѣдственнымъ правомъ, договоромъ съ князьями) или просто въ силу личной удачи, таланта. Но въ обоихъ случаяхъ необходимо было для князя признаніе его правъ на столъ землей, если онъ хотѣлъ прочно сидѣть на своемъ мѣстѣ.

Для князя воля народа была обязательна — обратно же этого сказать нельзя. Кодексъ обычнаго междукняжескаго права былъ совершенно безразличенъ для вѣча при избраніи князя. Извѣстны случаи прямого нарушенія этого права. Таково избраніе Владимира Мономаха. Согласно договору, заключенному князьями въ Любечѣ, послѣ смерти кіевскаго князя Святополка въ 1113 году кіевскій столъ долженъ былъ занять одинъ изъ его сыновей. Въ дѣйствительности же его занялъ Владиміръ Мономахъ по избранію народомъ. Народъ пренебрегъ любецкимъ согласшеніемъ князей. Но тотъ же народъ въ другомъ случаѣ въ 1176 году во Владимирѣ цѣлуетъ крестъ Всеволоду «и

на дѣтяхъ его», т. е. утверждаетъ владимирскій столъ за Всеволодомъ и его дѣтьми, потомствомъ, какъ бы примыкая къ любецкому соглашенію, по которому дѣти должны наслѣдовать столы своихъ отцовъ. А Ростиславу кіевляне въ 1154 г. сказали, посадивъ его на столѣ—«какъ братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такъ и ты чести. А до твоего живота (до смерти) Кіевъ твой», — т. е. предоставили ему кіевскій столъ пожизненно, но не потомственно.

Теперь для насъ вполнѣ понятны взаимныя отношенія вѣча и князя и уже не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно верховенства одного изъ двухъ органовъ государственной власти: вѣча и князя. Верховенство принадлежитъ вѣчу, а не князю.

На долю князя, какъ это и согласовалось съ цѣлью его «призванія», оставалась текущая работа по управленію и суду въ странѣ и командованіе войскомъ внѣ страны. Совпаденіе въ такихъ дѣлахъ компетенціи князя съ компетенціей вѣча, нисколько не противорѣчило съ его положеніемъ зависимаго правителя. Онъ дѣйствовалъ по уполномочію народа, не больше.

Выбравъ князя и возложивъ на него текущія дѣла вѣче тѣмъ не менѣе, оставляло за собой наблюденіе за дѣятельностью князя и его помощниковъ, при чемъ иногда выходило изъ своего пассивнаго въ этомъ случаѣ положенія, при обнаруженіи злоупотребленій властью со стороны князя или его помощниковъ (каждый гражданинъ могъ апеллировать къ народу, довести до свѣдѣнія вѣча о такихъ случаяхъ) для возстановленія попранныхъ правъ народа и наказанія виновника.

Князь правилъ и творилъ судъ при помощи собственныхъ органовъ, единоличныхъ (посадникъ, тысяцкій, тіуны и т. д.) и коллективныхъ (дружина и княжеская дума). Эти органы находились въ полномъ распоряженіи князя и назначались имъ самостоятельно, но народъ и здѣсь не оставался безучастнымъ зрителемъ. Для него было не

безразлично, напримѣръ, какъ будетъ управлять князь: съ участіемъ думы или безъ участія. Общественное мнѣніе того времени требовало, чтобы князь все дѣлалъ непремѣнно при участіи княжеской думы. Недаромъ идеальный князь, нарисованный въ «поученіи дѣтямъ» Владимиромъ Мономахомъ ежедневно засѣдаетъ съ думой. Поэтому князь, нарушавшій этотъ обычай, вызывалъ ропотъ въ народѣ противъ себя и нерѣдко жестоко платился за игнорированіе общественнаго мнѣнія. Такъ было съ Владимиромъ Галицкимъ, который «думы не любилъ съ мужами своими», а Андрей Боголюбскій сложилъ свою голову за самовластіе.

Изъ развернувшейся передъ нами картины вѣчевой дѣятельности мы можемъ судить, насколько эта дѣятельность была широка и разнообразна. Понятно отсюда, что и компетенція вѣча, употребляя современное выраженіе, должна быть велика. Въ самомъ дѣлѣ, вѣче избираетъ князя, издаетъ законы, заключаетъ договоры, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, производитъ судъ, устанавливаетъ налоги и т. д.—и приводитъ нерѣдко само, непосредственно въ исполненіе свои постановленія. Иначе сказать, дѣятельность вѣча обнимаетъ законодательство, судъ, администрацію и международныя отношенія; вѣчу принадлежитъ власть законодательная и исполнительная.

Остановимся поочередно на каждой функціи вѣча.

Памятникомъ вѣчевого законодательства являются извѣстныя судныя грамоты—Псковская и Новгородская. Въ первой говорится, что она («ся грамота») выписана «изъ великаго князя Александровы грамоты и изъ князя Константиновы грамоты и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ... (преданій, старины) *всѣмъ Псковомъ на вѣчи*»... А о новгородской грамотѣ сказано, что ее «покончили (т. е. утвердили) посадники новгородскіе и тысяцкіе новгородскіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди,

всѣ пять концовъ, *весь государь великій Новгородъ на вѣчи* на Ярославовомъ дворѣ». Такимъ образомъ несомнѣнно оба законодательныхъ памятника составлены на вѣчѣ, при исключительномъ его участіи. О князѣ ничего не говорится. Но кромѣ исключительнаго, вѣче принимаетъ и частное участіе въ законодательствѣ, когда законодательствуетъ князь. Къ XII столѣтію относится уставная грамота, данная смоленской епископіи кн. Ростиславомъ Мстиславичемъ, опредѣляющая привелегіи духовенства. Въ началѣ грамоты сказано, что князь даетъ ее «*сдумавъ* (подумавъ) *съ людьми своими*», т. е. посовѣтовавшись съ вѣчемъ, совмѣстно съ вѣчемъ.

Древнѣйшимъ примѣромъ третьяго вида вѣчевой дѣятельности могутъ служить торговые договоры русскихъ князей Игоря и Олега съ греками, которые, какъ намъ уже извѣстно, заключены на вѣчѣ.

Извѣстія объ объявленіяхъ войны и заключеніи мира вѣчемъ очень часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ. Еще въ 997 г. бѣлогородцы вели переговоры о мирѣ съ печенѣгами. Въ 1186 году полочане заключили миръ съ новгородцами и смольнянами на вѣчѣ... На этой почвѣ нерѣдко возникали разногласія между княземъ и вѣчемъ. Напримѣръ, въ 1067 г. кіевляне требовали войны съ половцами, а князь Изяславъ не хотѣлъ и поплатился за это лишеніемъ стола. А въ 1185 г., наоборотъ, князь Святославъ обратился за помощью противъ половцевъ къ смольнянамъ и получилъ отказъ на томъ основаніи, что они уже изнемогли отъ рати.

На судебную власть вѣча указываетъ требованіе владимирцевъ (въ 1177 г.) отъ князя Всеволода казнить плѣнныхъ ростовцевъ и суздальцевъ, взятыхъ послѣ войны. «Встали бояре и купцы—говоритъ лѣтопись — со словами: «князь, мы тебѣ добра хочемъ и за тебя головы свои складываемъ, а ты держишь враги свои просто; эти враги твои и наши—суздальцы и ростовцы. Либо ихъ казни (самъ), либо слѣпи, или отдай намъ (для казни). Разъ

владимирцы просили князя передать имъ для казни плѣнныхъ, значитъ считали себя въ правѣ творить судъ надъ военноплѣнными.

Извѣстный князь Василько, будучи ослѣпленъ, обращается къ владимирскому вѣчу за судомъ надъ оклеветавшими его. Къ судебной же функціи вѣча надо отнести всѣ случаи конфискаціи имущества народомъ и казни, особенно частыя въ Новгородѣ.

Что касается налоговъ, то древнѣйшее извѣстіе объ этомъ относится къ 1018 году, когда новгородцы установили особый сборъ для оказанія помощи Ярославу въ войнѣ съ Святополкомъ Окаяннымъ. Налоги затрогивали наиболѣе чувствительную сторону народной жизни,— матеріальную, и народъ ревниво оберегалъ себя отъ всякихъ посягательствъ въ этомъ отношеніи. Когда князь Ярополкъ въ 1176 г. повысилъ пошлины, очевидно, безъ согласія вѣча и конфисковалъ церковное имущество, то былъ изгнанъ вмѣстѣ со своими судьями.

Но важнѣйшимъ актомъ вѣчевой дѣятельности было избраніе князя и заключеніе съ нимъ такъ называемаго ряда, т. е. договора.

Мы уже знаемъ, какъ выбирался князь, теперь познакомимся съ договорами, которые заключались съ княземъ на вѣчѣ. Хотя въ низовой, кіевской Руси вѣче играло большую роль при замѣщеніи княжескихъ столовъ, однако отношенія между княземъ и народомъ здѣсь не выработались въ какія-либо твердо установленныя нормы. Лѣтописецъ часто упоминаетъ при замѣщеніи княжескихъ столовъ о «порядѣ», «рядѣ» между княземъ и вѣчемъ, но не идетъ дальше общихъ довольно неопредѣленныхъ выраженій въ родѣ обязательства князя «держать область по старинѣ» или «на всей волѣ» народа, или же о князѣ говорится, что онъ «сотворилъ людямъ весь порядъ», «утвердился крестнымъ цѣлованіемъ». Въ чемъ же именно состоялъ «порядъ», въ чемъ «утверждался» князь, сказать трудно. На это лишь намекаютъ отдѣльные частные слу-

чаи, какъ, напримѣръ, на кіевскомъ вѣчѣ 1146 года, когда кіевляне потребовали отъ князя при избраніи, чтобы онъ судилъ самъ, а не черезъ тіуновъ.

Только въ Новгородѣ отношенія между княземъ и вѣчемъ были вполнѣ урегулированы и облеклись въ юридическую форму письменнаго договора.

Новгородскіе договоры очень точно опредѣляютъ положеніе князя въ Новгородѣ. Для образца приводимъ цѣликомъ договоръ Новгорода съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ въ 1265 году.

«Благословеніе отъ владыки, поклоненіе отъ посадника Михаила и отъ тысяцкаго Кондрата и отъ всего Новгорода и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ—(одна изъ договаривающихся сторонъ народъ) къ князю Ярославу—(другая изъ договаривающихся сторонъ—князь).

На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новугороду, на чемъ то цѣловали дѣды и отцы и отецъ твой Ярославъ.

Новгородъ тебѣ держать въ старинѣ, по пошлинѣ (какъ изстари пошло) (общее условіе, за которымъ слѣдуютъ частности). Что волостей всѣхъ новгородскихъ (есть), того тебѣ, князь, не держать своими мужами, но держать мужами новгородскими; а даръ имати тебѣ отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника тебѣ волостей (должностей) не раздавати; а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ или Дмитрій (предшественники его) со Новгородцы, тебѣ тѣхъ волостей безъ вины не лишати. А что тебѣ, княже, пошло на Торжку или на Волокѣ тивунъ (судья) свой держати, на своей части; а Новгородецъ на своей части держати. А въ Бѣжицахъ, княже, тебѣ, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ боярамъ, ни твоимъ дворянамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ принимати и по всей волости новгородской... (слѣдуетъ перечисленіе новгородскихъ волостей). А въ Русу тебѣ, княже, ѣздити осень, а лѣтомъ не ѣздити; ѣздити на Озвадо*) звѣри гонити. А

*) Озвадо—урочище для звѣринаго промысла.

въ Ладогу тебѣ, княже, слати (посылать) осетерника (рыболова) и медовара, по грамотѣ отца своего Ярослава. А судъ, княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичанамъ и Обонижанамъ на 4 лѣта, судью не слати. А изъ Бѣжицъ, княже, людей не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ принимати, ни княгинѣ твоей, ни боярамъ твоимъ, ни дворянамъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А безъ вины тебѣ мужа волости не лишати; а грамоты тебѣ, княже, не посуживати. А пожне (пожни, поля съ хлѣбомъ), княже, что пошло тебѣ и твоимъ мужамъ, то твое. А что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то тебѣ, княже, не надобѣ. А что же, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилье на Новгородѣ, а тогося, княже, отступити»... Отправнымъ пунктомъ договора является мысль, что вся новгородская область есть достояніе св. Софіи и господина Великаго Новгорода, воля которыхъ выражается вѣчемъ, а князь есть лицо, призванное для суда и управленія и обороны страны за извѣстное вознагражденіе и на извѣстныхъ условіяхъ. Какъ говоритъ историкъ Костомаровъ: «Призваніе и пріемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода,—только долженъ былъ явиться на вѣче «сложить съ себя цѣлованье».

Поэтому договоръ старается, во-первыхъ, оторвать князя отъ новгородской почвы, старательно изолировать его и отрѣзать всякую возможность осѣсть, пустить корни въ Новгородѣ, во-вторыхъ, точно опредѣлить, регламентировать его доходы (вознагражденіе) и права на доходы и, въ-третьихъ, обставить его судебно-административную дѣя-

тельность, ради которой онъ призванъ, возможно боль-шими гарантіями противъ нарушенія земскихъ интересовъ. Всѣ три тенденціи послѣдовательно проводятся въ договорахъ (см. договоръ съ Ярославомъ).

Князь, а равно его родственники и даже дружинники не имѣютъ права пріобрѣтать недвижимой собственности ни покупкой, ни дареніемъ въ новгородской землѣ, а также брать закладниковъ, что равносильно запрещенію заключать вообще сдѣлки.

Какъ вознагражденіе за отправленіе судебно-административныхъ функцій князь получаетъ «даръ съ волостей», но онъ получалъ его, согласно договору, ѣдучи въ Новгородъ, а не изъ Новгорода, т. е. въ качествѣ дѣйствительнаго князя (а не бывшаго). Кромѣ того князь получалъ доходы—пятую часть дани съ Волока-Ламскаго и часть съ Торжка, при чемъ сборщики князя должны были собранную дань обязательно привозить сначала въ Новгородъ, гдѣ она и передавалась князю. Во-вторыхъ, въ пользу князя шли судебныя пошлины, которыми онъ, однако, дѣлился съ посадниками. Наконецъ, князю предоставлялись права на полученіе доходовъ отъ торговли и отъ угодій и промысловъ. Но торговать князь могъ только при посредствѣ природныхъ новгородцевъ, другими словами, могъ участвовать въ торговлѣ лишь капиталомъ. Онъ не могъ закрывать дворовъ иноземныхъ купцовъ, ставить къ нимъ своихъ приставовъ. Новгородскимъ же купцамъ онъ обязывался въ своемъ княжествѣ, (изъ котораго онъ пришелъ въ Новгородъ) давать свободный пропускъ, «безъ рубежа». Съ вѣса и торговли князь получалъ тоже пошлины, но въ точно опредѣленномъ размѣрѣ. Затѣмъ князю предоставлялось право охоты, рыбной ловли, медоваренія, но опять таки точно регламентированныя. Такъ въ Русу князь могъ ѣздить охотиться на третью зиму, а въ Ладогу на третье лѣто; тѣ же ограниченія налагались на рыболовство и медоваренiе.

Когда на Новгородъ вмѣстѣ съ другими городами

Руси была наложена татарская дань («черный боръ»), то новгородцы сами собирали ее, а князь только доставлялъ въ орду.

Судебно-административная дѣятельность князя, согласно договору, должна происходить обязательно въ предѣлахъ новгородской земли. Внѣ ея, напримѣръ, изъ своего княжества, князь не могъ отправлять этихъ функцій. «А изъ суздальской земли—говорится на этотъ счетъ въ одномъ договорѣ—тебѣ Новгорода не рядити (не управлять) и волостей (должностей) не раздавати». Это одно условіе. Другое заключалось въ требованіи отправлять судебно-административныя обязанности при участіи выбраннаго вѣчемъ посадника, т. е. представителя Новгорода Великаго. Безъ участія посадника князь не имѣетъ права назначать правителей въ краѣ, подчиненномъ Новгороду, отдавать въ кормленіе принадлежащихъ Новгороду земель, давать кому бы то ни было и о чемъ бы то ни было грамотъ (уставныхъ, данныхъ, жалованныхъ—на землю, на промыслы) и отмѣнять или измѣнять прежде выданныя грамоты. Далѣе, не можетъ производить суда безъ участія посадника, лишать должностей или наказывать должностныхъ лицъ безъ суда, раздавать должности въ собственность и вообще дѣлать какія бы то ни было распоряженія безъ воли вѣча и безъ участія посадника—«держать Новгородъ въ старинѣ, пошлинѣ», править Новгородомъ «на всей волѣ новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ».

Всѣ перечисленныя ограниченія распространяются и на должностныхъ лицъ князя.

И такъ власть князя поставлена вѣчемъ, въ силу договора, въ самыя тѣсныя рамки. Весь центръ управленія, собственно, лежитъ въ вѣчѣ, а князь лишь исполнительный органъ, не могущій шага ступить безъ воли вѣча, дѣйствующій подъ бдительнымъ контролемъ посадника, при томъ временный и на условіяхъ опредѣленнаго вознагражденія. Это не князь, представитель верховной власти,

а наемникъ, чиновникъ, отправляющій военныя и гражданскія обязанности за жалованье, за кормъ, надъ которымъ вдобавокъ еще виситъ постоянная угроза быть изгнаннымъ, лишеннымъ должности. Новгородское вѣче очень часто расправлялось такъ съ неугодными ему князьями.

Кромѣ такого, такъ сказать, «штатнаго» князя, въ Новгородѣ были еще «сверхштатные» князья—«кормленые», какъ ихъ называли новгородцы. Это уже въ полномъ смыслѣ наемники, призванные на случай, на короткое время. Ихъ бывало по нѣскольку одновременно независимо отъ «штатнаго» князя, и они такъ же быстро исчезали, какъ и появлялись.

Какъ бы въ устраненіе близости княжеской власти, князю было отведено даже мѣсто для резиденціи не въ самомъ городѣ, а на Городищѣ. Здѣсь онъ помѣщался съ своей дружиной. Здѣсь же помѣщались и намѣстники великаго князя.

Вмѣстѣ съ княземъ новгородское вѣче выбирало и высшихъ представителей гражданской и военной администраціи—посадника, тысяцкаго, полководцевъ и высшаго представителя духовенства владыку. Епископъ новгородскій возводился на каѳедру даже до рукоположенія его митрополитомъ. Его торжественно вводили въ архіепископскія палаты, подносили хлѣбъ-соль, какъ избраннику св. Софіи и поручали управленіе епархіей *). На всѣ выборныя должно-

*) Есть извѣстіе о выборѣ владыкъ въ сѣверо-восточной Руси. Именно, по смерти Ростовскаго епископа Леона въ 1183 году, кіевскимъ митрополитомъ былъ назначенъ въ Ростовъ Никола Гречинъ. Однако, Всеволодъ, суздальскій князь, не принялъ его, а митрополиту кіевскому велѣлъ сказать: «Не избрали этого (Николу Гречина) люди земли нашей. Ты самъ его поставилъ и держи его, гдѣ угодно тебѣ. А мнѣ поставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Святого Спаса на Берестьи». По этому поводу лѣтописецъ (Лаврен. сп.) морализируетъ въ слѣдующихъ любопытныхъ выраженіяхъ: «Недостойно насильно поставлять въ святительскій чинъ; надо поставлять того, кого Богъ позоветъ и св. Богородица и восхочетъ князь и людіи».

сти распространялось право вѣча отрѣшенія, изгнанія.

Кромѣ выбора своихъ высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ, новгородское вѣче само вело дипломатическіе переговоры, распоряжалось новгородской общественной землей и угодьями съ промыслами и чеканило монету.

Для полноты новгородской автономіи любопытно еще остановиться на народномъ судѣ.

Роль князя, какъ судьи, въ Новгородѣ сводилась къ оправленію оправданнаго и казни (наказанію) виновнаго и полученію половины виръ и судебныхъ пошлинъ. Разбирательство же дѣла, судъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, производился выборными судьями, такъ называемыми докладчиками. Они руководили судомъ, наблюдали за его правильностью и утверждали приговоръ. Докладчики—представители народа и творятъ такимъ образомъ судъ именемъ народа, именемъ вѣча, которому принадлежитъ верховная судебная власть. Основнымъ правиломъ новгородскаго суда было равенство—«а судить всѣхъ равно, какъ боярина, такъ житьяго, такъ и молодчего человѣка»—и запрещеніе ареста безъ суда. Безъ суда не только должностное лицо, но и всякій гражданинъ не могъ быть арестованъ, тѣмъ болѣе наказанъ. Виновный получалъ извѣщеніе до трехъ разъ о явкѣ въ судъ, и только въ случаѣ неявки послѣ третьяго извѣщенія, лишался суда. Новгородскій судъ, по словамъ историка Костомарова, не зналъ ни пытки, ни вообще тѣлесныхъ наказаній (кромѣ какъ для холоповъ). «Только въ послѣдніе годы независимости Пскова появился тамъ московскій кнутъ, какъ предвѣстникъ разрушенія стараго свободнаго порядка. (Костомаровъ).

Судебная автономія Новгорода и Пскова выражалась формулой—«Новгородъ и Псковъ судятся *своимъ* судомъ», а не судомъ великаго князя.

Вполнѣ, такъ сказать, отдавая дань уваженія и цѣня такія важныя гарантіи для личности, какія представлялъ новгородскій судъ, мы должны, однако, замѣтить, что на дѣлѣ личность не всегда была гарантирована отъ произво-

ла и насилія. Судъ нерѣдко принималъ, какъ мы уже знаемъ, форму самосуда,—исполненіе быстро слѣдовало за рѣшеніемъ и отличалось необыкновенной страстностью. И это бывало какъ разъ тогда, когда судилъ и казнилъ высшій органъ власти—вѣче, т. е. самъ народъ *).

Въ такомъ видѣ представляются взаимныя отношенія князя и вѣча и зиждущійся на нихъ государственный строй южно-русскихъ княжествъ и сѣверно-русскихъ городовъ Новгорода и Пскова.

Говоря о государственномъ строѣ древней Руси разсматриваемаго нами времени, мы выдѣляемъ Новгородъ и Псковъ, даже называемъ ихъ городами, а не княжествами. Дѣлать это приходится потому, что сущность государственнаго строя древней Руси—народовластіе, участіе народа въ управленіи страной была вездѣ, на всемъ пространствѣ ея, одна и та же, примѣненіе же этой сущности на практикѣ приняло различныя формы на сѣверѣ и на югѣ Руси.

Въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ намъ извѣстно, отношенія между княземъ и вѣчемъ были вполнѣ опредѣленныя, точно урегулированныя и на почвѣ ихъ авторитетъ вѣча стоялъ очень высоко, настолько высоко, что заслонилъ авторитетъ княжеской власти, и князь занялъ совсѣмъ подчиненное положеніе. Такимъ образомъ, здѣсь идея народовластія осуществилась въ чистомъ видѣ и вполнѣ. И Новгородъ со Псковомъ, въ которыхъ существуетъ только одна самостоятельная власть—власть народа,

*) Говоря о вѣчевомъ бытѣ сѣвера или, точнѣе, сѣверо-запада Руси, приходится чаще всего упоминать о Новгородѣ, иногда Псковѣ, умалчивая о другихъ городахъ. Это вполнѣ понятно. Новгородъ стоялъ во главѣ сѣверно-русскихъ городовъ, болѣе всѣхъ развилъ вѣчевой порядокъ, и его именемъ покрывается весь вѣчевой бытъ сѣверо-запада. Другіе крупные города, какъ Псковъ или Вятка, получили очень поздно независимость отъ Новгорода, или совсѣмъ ея не получили.

Такимъ образомъ, все сказанное о Новгородѣ относится вполнѣ къ Пскову, его младшему брату, и отчасти къ его колоніи Вяткѣ и къ другимъ городамъ новгородской области.

сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ всѣ функціи государственнаго властвованія» (Коркуновъ)—въ этомъ смыслѣ могутъ по справедливости быть названы древне-русскими республиками—непосредственными, т. е. такими, въ которыхъ народъ принимаетъ участіе не черезъ представителей, какъ въ современныхъ республикахъ, а лично, непосредственно.

Въ южно-русскихъ же княжествахъ отношенія между княземъ и вѣчемъ не достигли точности и опредѣленности, наоборотъ, оставались неясными (были болѣе фактическими, чѣмъ юридическими) и авторитетъ вѣча, то поднимаясь, то опускаясь, не достигъ такого высокаго положенія, какъ въ Новгородѣ, и князь, при всей зависимости отъ вѣча, не былъ такъ ничтоженъ, какъ на сѣверѣ Руси. За княземъ здѣсь все же оставалось значеніе и, если на сѣверѣ Руси осуществилось чистое народовластіе, то въ южно-русскихъ княжествахъ нашло себѣ мѣсто смѣшанное народовластіе въ формѣ такъ называемой «вѣчевой монархіи», при которой власть монарха, т. е. древне-русскаго князя «ограничена соучастіемъ непосредственнаго народнаго собранія—вѣча». (Коркуновъ).

Почему же, спрашивается, получилась такая разница въ практикѣ идеи народовластія между сѣверомъ и югомъ Руси? Разница объясняется разницей историческихъ условій этихъ двухъ противоположныхъ концовъ страны.

Новгородъ и Псковъ прежде всего имѣли полную возможность развернуть свои самобытныя начала, использовать совершенно принципъ народовластія. Благодаря счастливымъ географическимъ условіямъ и экономическому благосостоянію, они просуществовали въ видѣ независимыхъ общинъ-республикъ до конца XV в. (Псковъ даже до начала XVI вѣка). Татарскій погромъ, разорившій и полонившій всю южную Русь, обошелъ сѣверъ, и Новгородъ со Псковомъ уцѣлѣлъ, сохранивъ неприкосновеннымъ свой политическій строй. Имъ только пришлось платить вмѣстѣ съ другими городами Руси татарскую дань. Тѣ же

самыя счастливыя условія, позволившія Новгороду и Пскову сохранить свой политическій строй до конца XV вѣка, обезпечили развитіе этого строя въ направленіи чистаго народовластія, подчиненія княжеской власти вѣчу.

Дѣло въ томъ, что благодаря изолированности и экономической состоятельности этого края, здѣсь нужда въ князѣ, какъ военачальникѣ и администраторѣ никогда не была такъ сильна и постоянна, какъ въ южной Руси. Новгородъ и Псковъ пользовались относительно большимъ благополучіемъ и спокойствіемъ сравнительно съ другими землями. Въ то же время князей на Руси было много, между ними можно было дѣлать выборъ. Выборъ и сталъ, дѣйствительно, руководящимъ началомъ Новгорода и опредѣлилъ подчиненное положеніе князя. Въ началѣ все-таки болѣе самостоятельное положеніе князя быстро пошло на убыль. Положеніе «кормленыхъ» князей всего лучше показываетъ, какъ низко упала здѣсь княжеская власть.

На югѣ Руси было другое положеніе. Здѣсь вѣчевой бытъ не успѣлъ развиться къ XIII вѣку, когда въ Новгородѣ онъ уже почти сложился, южная, кіевская Русь прекратила послѣ татарскаго погрома не только политическое, но и всякое существованіе. Государственный строй южнорусскихъ княжествъ находился еще въ процессѣ образованія, роста, когда налетѣлъ этотъ ураганъ, и процессъ образованія былъ насильственно прерванъ. Въ результатѣ ни та ни другая власть—ни князь, ни вѣче, не получила надлежащаго развитія, не вылилась въ вполнѣ опредѣленныя формы. Колеблясь изъ стороны въ сторону, онѣ обѣ пали жертвой стихійнаго нашествія, снесшаго всю цивилизацію южно-кіевской Руси. О томъ, что было бы съ ними, если бы не татары, можно только гадать. Впрочемъ съ нѣкоторой вѣроятностью можно предположить, что развитіе государственнаго порядка здѣсь не пошло бы по пути Новгорода и Пскова. Этому мѣшало положеніе южно-русска го князя. При всей своей, какъ мы уже замѣтили, зависимости отъ вѣча, южно-русскій князь сохранилъ за собой значеніе.

Югъ не пользовался ни спокойствіемъ, ни изолированностью сѣвера Руси. Здѣсь потребность въ сильной и твердой военно-гражданской власти ощущалась постоянно и очень сильно, и князь получилъ большее сравнительно съ Новгородомъ значеніе. При благопріятныхъ въ этомъ смыслѣ для князя обстоятельствахъ, авторитетъ его власти могъ подняться очень высоко и заслонить авторитетъ вѣча. Недаромъ мы видимъ въ южной Руси популярныхъ князей въ родѣ Ярослава, Владимира св., Владимира Мономаха, Мстислава и др. Между тѣмъ новгородская исторія не знаетъ популярныхъ князей, кромѣ Ярослава.

V.

Судьба вѣчевого порядка въ южной и сѣверо-западной Руси. Татарское владычество. Возникновеніе новаго порядка на сѣверо-востокѣ Руси. Борьба Москвы, представительницы новаго порядка съ Новгородомъ и Псковомъ—оплотами стараго порядка. Уничтоженіе вѣчевого порядка въ Новгородѣ и Псковѣ. Частныя и общія причины паденія вѣчевого порядка древней Руси.

Судьба вѣча была неодинакова на всемъ пространствѣ Руси. Въ южной кіевской Руси рѣшающимъ моментомъ для него былъ татарскій погромъ и установленіе владычества татаръ на Руси. Собственно съ установленіемъ владычества вѣчевая жизнь не прерывается разомъ, она еще продолжается, но постепенно замираетъ. Вѣче живо въ XII, XIII, даже XIV вѣкѣ. Въ 1289 году Берестьяне (жители Берестья на Волыни) призываютъ себѣ князя и цѣлуютъ съ нимъ крестъ на вѣчѣ. Жители города Козельска, когда Батый подступилъ ко этому городу «совѣтъ сотворили не отдаваться Батыю», и оборона города отъ татаръ въ виду малолѣтства князя происходитъ силами народа (организуется самимъ народомъ). Это было въ 1237 году. По словамъ Псковскаго лѣтописца вѣча на татаръ въ 1261 году происходили по всѣмъ русскимъ городамъ.

Въ нашествіе Тохтамыша на Москву въ 1382 г. въ Москвѣ произошло, по словамъ лѣтописца, страшное смятеніе и «сотвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы», т. е. вѣче происходитъ въ самомъ концѣ XIV вѣка. Такъ долго живетъ это учрежденіе. Но передъ нами лишь отголоски вѣчевого быта, судьба его уже рѣшена. Вѣче есть органъ свободнаго народа, а теперь народъ находился въ неволѣ. Ханъ—господинъ всей Руси, и его воля есть первый и послѣдній законъ для русскаго населенія. Законъ, который не нуждается не только въ санкціи народа, но даже въ простомъ его согласіи. Значитъ съ этой стороны вѣче не нужно, оно остается только для внутренняго самоуправленія, сфера котораго однако въ этотъ періодъ образованія московскаго государства, все суживается. Князь послѣ утвержденія татарскаго владычества тоже лишился самостоятельности, онъ ставленникъ хана, и стало быть о свободномъ договорѣ народа съ княземъ, тѣмъ болѣе о выборѣ князя, не можетъ быть рѣчи. Приведенный нами примѣръ ряда съ княземъ—исключеніе, возможное иногда при терпимости татаръ къ внутреннимъ порядкамъ Руси. Лишенное такимъ образомъ всякаго смысла существованія вѣче постепенно замирало и наконецъ прекратило свое существованіе. Такова судьба вѣча на югѣ Руси.

На сѣверо-западѣ, въ Новгородѣ, Псковѣ, Вяткѣ и Полоцкѣ вѣче просуществовало гораздо дольше и исчезло по другимъ причинамъ. Татарское владычество только внѣшнимъ образомъ затронуло этотъ край—въ видѣ дани татарамъ—и вѣче здѣсь просуществовало въ Новгородѣ до 1478 года, а въ Псковѣ, даже до 1510 года т. е. до начала XVI столѣтія.

О вѣчевой дѣятельности въ Полоцкѣ до XV вѣка свидѣтельствуютъ договоры полочанъ съ Ригою, заключенные на вѣчѣ въ это время.

Опасность вѣчевому строю здѣсь, помимо внутреннихъ причинъ, о которыхъ, скажемъ послѣ, стала грозить не отъ татарскаго завоеванія Руси, а отъ того новаго

порядка, который сложился на сѣверо-востокѣ Руси усиліями московскихъ князей и обнаружилъ тенденцію къ распространенію на всемъ пространствѣ Руси. Этотъ новый порядокъ хорошо извѣстенъ каждому — московское самодержавіе. Московскій государь—самодержецъ уже не нуждался въ содѣйствіи народа по управленію страной, а тѣмъ болѣе въ опредѣленіи своихъ правъ народомъ. Народъ теперь и юридически и фактически былъ послушной паствой, и всякое стремленіе въ средѣ населенія, поднять свой голосъ казалось новому властелину опаснымъ, подозрительнымъ и подавлялось. Такое положеніе вещей стало уже настолько нормальнымъ, обычнымъ, что исключеніе изъ него не могло быть терпимо. Между тѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ какъ разъ существовало исключеніе. Здѣсь голосъ народа покрывалъ голосъ князя, а московскаго самодержца даже не хотѣли признавать просто государемъ, не то что самодержавнымъ. Понятно онъ не могъ терпѣть подобнаго противорѣчія съ московскими порядками и рѣшилъ покончить съ Новгородомъ и Псковомъ—оплотами вѣчевого строя.

Москва, представительница новаго порядка въ концѣ концовъ взяла верхъ надъ Новгородомъ и Псковомъ, хранителями стараго порядка, но послѣ отчаянной борьбы, наполнившихъ княженія великихъ князей Василія Темнаго, Ивана III, не затихшей окончательно еще при Иванѣ IV. Въ исторіи этой борьбы любопытно наблюдать, какъ иногда гибнутъ учрежденія, сросшіяся съ народной жизнью, не въ силу своего внутренняго ничтожества, несостоятельности, а по произволу отдѣльныхъ лицъ, въ угоду новымъ вѣяніямъ. Учрежденіе вырывается съ корнемъ, и на мѣсто его ставится тотчасъ новое, не находящееся съ вырваннымъ ни въ какой преемственной связи. Съ Новгородомъ и Псковомъ такъ именно и было поступлено. Чтобы прервать традицію и всякую возможность возстановленія уничтоженнаго порядка, была даже выселена часть населенія въ Москву, а на мѣсто его переведена изъ Москвы.

Правда, у вѣчевого строя въ Новгородѣ и Псковѣ были свои внутреннія условія, которыя подтачивали его— общія и частныя (о нихъ мы скажемъ ниже) — но при естественномъ ходѣ онъ могъ бы устранить эти условія, приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ и сохранить такимъ путемъ драгоцѣнную идею народовластія. Иванъ III вынулъ самое зерно древне-русской политической свободы и уничтожилъ его.

Теперь остановимся на тѣхъ частныхъ и общихъ условіяхъ, которыя обрекали вѣчевой строй Новгорода и Пскова, а вмѣстѣ съ ними и всей древней Руси (общія) на паденіе.

Ближайшія причины, приведшія Новгородъ (и Псковъ) къ потери не только своего вѣчевого строя, но и независимости, кроются въ его внутреннемъ состояніи и внѣшнемъ положеніи относительно другихъ земель Руси. Изъ предшествующаго изложенія мы могли видѣть, какая борьба партій кипѣла въ Новгородской жизни, какія драмы разыгрывались на Ярославовомъ дворѣ и Волховскомъ мосту. Это происходило отъ глубокой соціально-экономической розни, внесенной капиталомъ въ общественную жизнь Новгорода.

Крупная торговля обогатила однихъ и закабалила другихъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда капиталъ становится господиномъ жизни. Явились неравенство и недовольство, разложившія общество. Новгородцы разбились на партіи, враждовавшія между собою, и когда подступилъ къ Новгороду московскій великій князь они не могли дать ему дружнаго отпора. Благодаря розни нашлось-даже много сторонниковъ Москвы, друзей великаго князя московскаго. А въ противоположность московской партіи, образовалась литовская партія, тянувшая къ литовскому князю.

Розни соціально-экономической соотвѣтствовала рознь политическая. Господинъ Новгородъ Великій, т. е. владѣнія новгородскія, новгородская область, не представлялъ

изъ себя одного цѣлаго, тѣсно сплоченной совокупности земель, входившихъ въ его составъ. Нѣтъ, его составныя части тянули врозь. Даже концы города часто враждовали между собою и устраивали отдѣльныя вѣчевыя сходки. Младшій братъ Новгорода, Псковъ вѣчно враждовалъ и спорилъ съ Новгородомъ, пока не отдѣлился отъ него. То же было съ Вяткой, колоніей Новгорода. И, когда Новгородъ началъ отчаянную борьбу за свою независимость, то у него не оказалось союзниковъ. Его «младшіе братья» стали на сторону Москвы. Такимъ образомъ Новгородъ погибъ отъ глубокой соціально-экономическо-политической розни.

Внѣшнее положеніе Новгорода, столь выгодное раньше, обогатившее его, теперь оказалось прямо невыгоднымъ. Новгородъ не могъ существовать безъ привознаго хлѣба, а хлѣбъ шелъ изъ низовой Руси, враждебно настроенной къ Новгороду. Наконецъ въ Новгородѣ страдала военная часть, и войско купеческой республики, плохо обученное, непривычное къ военному дѣлу не могло устоять противъ хорошо обученнаго и закалившагося въ бояхъ войска московскаго царя. Всѣ эти взятыя вмѣстѣ неблагопріятныя обстоятельства и подкосили Новгородъ. Въ особенности погубила его ожесточенная политическая борьба. Вѣче, постоянно раздираемое соперничествомъ аристократіи съ демократіей, не могло правильно функціонировать, обращалось въ орудіе господствующей партіи въ ущербъ общему благу и въ концѣ концовъ пало, уступивъ мѣсто новому порядку—московскому самодержавію, вездѣ уничтожавшему вѣче.

Но вѣче, какъ форма политической жизни, какъ органъ верховной власти, общій у Россіи съ другими странами, неминуемо должно было пасть независимо отъ мѣстныхъ и частныхъ условій. Вѣче—это форма непосредственнаго участія народа въ верховной власти, въ управленіи страной, возможнаго лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Для этого нужны—небольшая территорія государства и не-

многочисленное населеніе. Увеличеніе того и другого затруднитъ непосредственное участіе всего населенія и въ концѣ концовъ сдѣлаетъ невозможнымъ его, станетъ очевидной необходимость перехода къ другимъ формамъ политической жизни. Такъ и случилось съ древне-русскимъ вѣчемъ.

Оно существовало въ то время, когда Русь состояла изъ отдѣльныхъ небольшихъ государствъ — земель, княжествъ, и непосредственное участіе всего населенія каждаго княжества осуществлялось легко, безпрепятственно. Когда же, въ московскій періодъ русской исторіи, отдѣльныя княжества потеряли свою самостоятельность и были спаяны московскими князьями въ одно московское государство, то обширность территоріи и многочисленность населенія поставили неопреодолимыя препятствія для непосредственнаго участія населенія въ управленіи страной. Оно не могло уже собираться все на общерусскую вѣчевую сходку. И вѣче пало, независимо даже отъ политическихъ взглядовъ московскихъ государей, какъ форма, отжившая свое время. Въ этотъ моментъ московскіе государи дѣйствительно были противъ участія народа въ управленіи. Но и послѣ, когда взглядъ ихъ по обстоятельствамъ времени измѣнился, и они обратились къ содѣйствію населенія, то созвали народъ не на всероссійское вѣче, а на земскій соборъ т. е. вызвали къ жизни новую форму народовластія—народное представительство.

Доз. цензурою 8 октября 1904 г. Ростовъ н-Д.

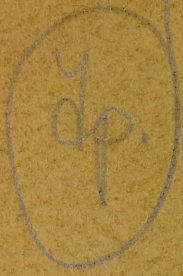
Изданія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

17. **И. Франко**—На днѣ . . . 9 к.
18. **А. Купринъ**—Молохъ . . 12 к.
19. **В. И. Немировичъ-Данченко**—Воскресшая пѣснь . . 5 к.
50. **В. Вересаевъ**—Повѣтріе . 4 к.
51. **И. П. Бѣлоконскій**—Деревня Печальная . . . . . 3 к.
52. **В. І. Дмитріева**—Волки . 3 к.
53. **В. Танаевская**—Безпокойная 3 к.
54. **И. И. Митрепольскій**—На плотахъ . . . . . 3 к.
55. **В. Г. Короленко**—Черкесъ (съ 2 рис.) . . . . . 4 к.
56. **В. Вересаевъ**—Звѣзда (восточн. сказка) . . . . . 1½ к.
57. **Н. Д. Телешовъ**—Противъ обычая . . . . . 2 к.
58. **А. Яблоновскій**—Въ консультаціи . . . . . 3 к.
59. Пѣсни труда . . . . . 5 к.
60. **Темный**—Сироткинъ (изъ жизни рабочихъ) . . . . . 3 к.
61. Только часъ. **А. Кринціевской** и др. разсказы . . 10 к.
62. **И. Бунинъ**—Надъ городомъ 1 к.
63. **Елпатьевскій**—Отлегаетъ мой сокликъ (изъ сибирск. жизни) . . . . . 2 к.
64. **К. Станиковичъ**-Эмигрантъ 3 к.
65. Избранныя стихотворенія **С. Я. Надсона** и др. поэтовъ 3 к.
66. **Л. Андреевъ**—Ангелочекъ 3 к
67. **Л. Андреевъ**—Жили-были . 3 к.
68. **Скитанецъ**—Атаманъ . . 2 к.
69. **А. Серафимовичъ**—Въ камышахъ . . . . . 2 к.
70. **Н. Рубакинъ**—Дѣдушка Время . . . . . 7 к.
71. **А. Яблоновскій**—Завѣтная мечта . . . . . 3 к.
72. **С. Елпатьевскій**—Присяжнымъ засѣдателемъ . . 2 к.
73. **В. Вересаевъ**—Къ спѣху . 1 к.
74. **А. Серафимовичъ**—На льдинѣ . . . . . 3 к
75. **Л. Мельшинъ**—Маленькіе люди . . . . . 4 к
76. **Е. И. Булгакова**—Что за страна Японія . . . . 5 к.
77. **И. П. Бѣлоконскій**—Какъ живутъ японцы . . . . 8 к.
78. **Н. Д. Телешовъ**—Хлѣбъ-соль . . . . . 1½ к.
79. **И. П. Бѣлоконскій**—Корея 4 к.
80. **В. Г. Короленко**—Соколинецъ . . . . . 7 к.
81. **Е. Н. Чириковъ**—Коля и Колька . . . . . 2 к.
82. **С. Елеонскій**—Грубіянъ . 7 к.
83. **С. Русова**—Братья Гракхи 3 к.
84. **Н. Телешовъ**—Нужда . . 1½ к.
85. Избран. стихотв. **Алексѣя Толстого** и др. поэтовъ . 3 к.
86. **К. Н. Боженко**—На войну 5 к.
87. **Э. Золя**—Кровь . . . . . 3 к.
88 **Танъ**—Елка въ Америкѣ . 4 к.
89 **Г. И. Успенскій**—Будка . . 3 к.
90. **В. Г. Короленко**—Мгновеніе и Огоньки . . . . . 3 к.
91. **Пѣсни мира** Сборн. стих. 2 к.
92. **В. Н.-Данченко.**—Соловьиная ночь . . . . . 1 к.
93. **И. П. Бѣлоконскій**—Страшное мѣсто . . . . . 1½ к.
94 **О. Мирбо.**—Бродяга . . . 1 к.
95. **С. Поступаевъ**—Пѣсни рабочей жизни . . . . . 10 к.
96 **Н. И. Тимковскій**—Травля 5 к.
97 **И. Наживинъ**—Волосъ Мадонны . . . . . 1 к.
98 **И. Франко**—Къ свѣту . . 3 к.
99 **Е. Чириковъ**—Въ отставку 7 к.
100 **Зарницы**—Сборникъ стихотвореній . . . . . 5 к.
101 **Л. Андреевъ**—На станціи 1 к.
102 **И. А. Бунинъ**—На край свѣта . . . . . 1½ к.
103 **Н. Рубакинъ**—Искорки . . 5 к
104 **В. Г. Короленко**—Марусина заимка . . . . . 10 к.
105 **П. Я.** (Л. Мельшинъ)—Избранныя стихотворенія . . 6 к.
106 **Л. Н. Андреевъ**—Въ темную даль . . . . . 3 к.
107 **Л. Н. Андреевъ**—Валя . . . 2 к
108 **В. Вересаевъ**—Объ одномъ домѣ . . . . . 3 к.
109 **В. Г. Короленко**—Послѣдній лучъ . . . . . 3 к.
110 **В. Г. Короленко**—Морозъ . 4 к.

Здѣсь же складъ.

Н. А. Рубакинъ.—Искорки . . . . . 1 р. —

3=
231890/385



КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
МИТЮРНИКОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Литейный проспектъ, № 31.

Цѣна 20 коп.

Главный складъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону, Пушкинская № 131.

Лица, выписывающія на 2 руб. въ предѣлахъ Европ. Россіи (просятъ деньги присылать впередъ, можно марками), за пересылку не платятъ.

Книжные магазины пользуются 30% скидкой; при заказѣ на 75 руб. (Европ. Росс.) по желѣзн. дор. пересылка принимается за счетъ издательства.

ОТДѢЛЕНІЯ:

Въ Ростовѣ н-Д.—книжный магазинъ Г. Городецкаго, Б. Садовая.
Въ Петербургѣ—въ книжн. магаз. О. Н. Поповой, Невскій, 54.
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, Тверская улица.
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ, „ Саратовѣ, „ Харьковѣ — книжные склады губернскихъ земствъ.

Дозв. ценз. Ростовъ н-Д. Тип. Т-ва „Донская Рѣчь“.